

ЕКАТЕРИНА МЕКАЧИМА

ЗА СЕВЕРНЫМ ВЕТРОМ

ЛЕГЕНДА О ЧЕЛОВЕКЕ,
КОТОРЫЙ СТАЛ БЕССМЕРТНЫМ

Екатерина Мекачима
За Северным ветром
Серия «Архитекторы реальности.
Иллюстрированная фантастика»
Серия «Легенды
северного ветра», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54094227

*За северным ветром:
ISBN 978-5-04-110532-7*

Аннотация

Представьте себе мир, где могущественные чародеи – волхвы, где в лесу обитают крылатые вилы. Тут Боги возвели монументальные города, которые украшают резные терема, и в древней тайге прячутся мавки. Здесь магия Слова может свести с ума, а водяной – оказаться другом.

На просторах этого мира разворачивается история самого Кощея Бессмертного, имя которого столько веков приводит жителей Сваргореи в ужас. История о молодых годах будущего Владыки, о том времени, когда Кощей был человеком. Это сказ о событиях, благодаря которым он заключил свою душу в Иглу и стал тем, кем его запомнил этот мир.

Содержание

Пролог	7
Вступление	9
Часть Первая	17
Глава 1	19
Глава 2	50
Глава 3	72
Глава 4	98
Глава 5	126
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Екатерина Мекачима

За северным ветром

© Мекачима Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Он видел сны.

Он чувствовал пронзающий душу ветер бесконечной пещеры.

Он видел мёртвую страну, что простиралась далеко на Севере. Там, где воды океана сковало ледяное дыхание Неяви, а земля была сокрыта вечным льдом, он видел себя скованным цепями. Его тело истлело, и сухая кожа обтянула торчащие кости.

Он видел, как Чёрные Птицы, по велению Мора, извлекли из его иссохшего тела Иглу и оплели Её скорлупой своих Слов. Он видел, как посланницы Мора опустились вместе с Иглой в царствие Неяви.

Он видел, как его Смерть забрал Мор.

И он знал, что ему уготована одинокая вечность.

Вечность спустя ледяной холод сковал его душу. Но Кощей слышал песнь. Песнь, что лишь немногим слышнее тишины, но совсем настоящая. Внимая музыке, Кощей закрыл запавшие глаза. Он увидел Чёрный океан и Чёрное Древо. Корни Древа оплели сундук, который хранил его Смерть. Подле Древа стоял грозный муж, сотканный из первозданной тьмы, и смотрел на него. От Его взора замирало даже мёртвое сердце. Мор. Бог Неяви своими безглазыми очами взирал на него.

– Твой час настанет, Бессмертный. – Рокот голоса Мора содрогнул Явь.

Вступление

Вестник Богов

Великая Тайга простиралась от Ледяного моря до крайних Гор Рифея. Исполинские деревья, что помнили времена Богов, что сами – духи, неприступным монолитом хранили древнюю страну. Высокие сосны внимали музыке ветра Стрибога. Тихо пели птицы. И бор шептал на ухо сестрам-лунам, пока сизый туман тайком гулял по непроглядному лесу.

В такой лунный час долгой северной ночи седые волхвы, внимающие Богам и природе, созывают Собор Пращуров. И когда огонь возгорится ярко, золотые искры вознесутся к небу, волхвы могут слышать голос посланника Богов – Семаргла. Если же грядут великие события, то вестник Богов сам явится волхвам в обличье крылатого пса.

Всполохи огня плясали на рунах высоких деревянных капиев¹, устремивших свои вершины в бездонное звёздное небо. Глухо и утробно бил барабан. Седые старцы, облачённые в белые одежды, сидели вокруг костра. Ветхий старик расположился чуть дальше всех, подле капия Перуна. Белоснежные волосы волхва украшал медный обруч, а борода слугителя Богов струилась до земли.

¹ Капий – название идолов богов в Сваргоре. От слов «капище», «капь».

Волхв видел, как искры огня взлетают ввысь, устремляясь к звёздам, что покоятся на кроне Древа Мира, Краколиста. И каждая искра подобна чуду, и в каждой – целый мир, что возгорится, вверх летя, и гаснет в темноте. И грустно старцу было и радостно в душе. Волхв знал судьбу мира, она открылась ему давным-давно. С тех самых пор старец не закрывал очей на Соборах Пращуров, не хотел внимать Богам.

– Не печалься, Белозар. – Крылатый пёс улёгся у волхва в ногах. – Видения твои для дней, которые грядут ещё не скоро.

– Семаргл, – волхв перевёл взгляд на посланника Богов, – неужто сам Сварог послал тебя или Богиня Макошь?

Пёс улыбнулся:

– Я тебе явился сам. Они же, – он кивнул в сторону волхвов, – слушают Её. Мать-Земля сегодня шепчет.

– Что же ты сказать пришёл?

– Скоро тебе в златое одеваться ², – Семаргл перебрался ближе к Белозару. – Но ты и сам ведаешь об этом.

Волхв кивнул. Он уже давно ждал своей свадьбы с вечностью, ждал Птиц, что унесут его на Юг, в Ирий. Унесут к ней.

– Но перед тем как услышать Песнь, – говорил пёс, – тебе нужно поведать волхвам о грядущем. Знание твоё должно остаться в мире.

– Ох, Богов посланник, – сипло засмеялся старик, – не

² Одеваться в златое – выражение, употребляемое в Сваргорее, синоним «умереть».

вижу смысла говорить о том, что изменить нельзя.

– Неуж голова твоя совсем поседела? – нахмурился Семаргл. – Твоё видение – лишь сказ, один из множества возможных. Богиня Макошь не начинала прясть ту нить, что видишь ты.

– Но ведь спрядёт, – прошептал Белозар, – и даже Перун не сможет разрубить ту пряжу, что создаст Бессмертного Владыку.

Семаргл устало покачал косматой головой.

– Коли скажешь им своё виденье, Белозар, то Макошь и твоё Слово в мироздание вплетет. Коли не скажешь – и его не будет.

Белозар вздохнул и вновь взглянул на звёзды.

– Вот скажи, Богов посланник, – говорил старый волхв, обращаясь, скорее, к небу, – коли тебе ведомо то, что ведомо и мне, коли даже Богам ведомо сие... Почему же силы, миром правящие, не изменят то, что лишь им возможно изменить? Почему же Макошь спрядёт ту пряжу?

– А вот как думаешь ты, старче, – Семаргл тоже устремил свой взор в ночное небо, – коли не было бы зла, кто б добро добром же называл?

– Пустое молвишь, – махнул рукой волхв, – пустое...

– Если так ты мыслишь – твоё право, Белозар. Но скажи, как Богиня Макошь может нить Судьбы не ткать, души рождённых в неё не вплетать? Она лишь силу вам даёт, в Судьбе, вплетая, а куда направить дар её, в плохое или в благое, –

решать уж вам. И даже если грустно всё решится – Богиня исколет пальцы и заплачет, но вышьет ваш узор.

Семаргл замолчал, и Белозар не молвил. Затихли барабаны. Лишь низкое баритонное пение волхвов слышалось в тишине.

И чудилось Белозару в огне и звёздах, будто вновь он стал молодым, а с ним – его кудесница, прекрасная Сияна. И Солнцеград, великий город-остров, где вместе жили, терялся в поднебесье. Но видение померкло так же быстро, как и улетела в края златые ³ его любимая голубка. Тогда дремучий лес и стал спасением, где юный волхв слушал голоса природы и мудрость предков. Давно это случилось, и даже облик невесты украло беспощадное время. Но показалось вдруг, будто в огне явился её благодатный лик, по которому столько лет тосковало сердце... И не было тех лет печали. Волхв знал: ему пора.

– Скоро прилетят Птицы, – вновь заговорил Семаргл, потягиваясь, – и будут петь. Так что же ты решил, кудесник?

– Скажи, Богов посланник, – Белозар посмотрел в ясные глаза Семаргла, – коли я расскажу о видении своём волхвам, смутятся ли их сердца? Не станет ли мой рассказ причиной тому, что произойдёт?

– О, кудесник Белозар, на то и у меня ответа нет, – посланник Богов опустил взгляд. – Не только Боги Светом правят, но и вы, как дети их.

³ Златые края – Ирий, рай для умерших.

Белозар вздохнул и закрыл глаза. Пение волхвов разливалось по миру, ведя за собой в неведомую даль, туда, где тишина рождалась...

– Белозар, – прошептали совсем рядом.

Старец открыл глаза. Перед ним, на ступенях подле капия, сидел юный Велижан. Он обеспокоенно смотрел на древнего служителя Богов. Песни волхвов смолкли. Старцы обратили взоры на Белозара.

– Ты ушёл от нас, – сказал Велижан с тревогой. – Уже который Собор ты внемлешь Богам один.

Белозар вздохнул: он чувствовал студёный ветер от взмахов крыльев Птиц. Печальную радость омрачал лишь ответ перед Богами. Как же быть? Какую весть поведать миру?

Белозар ничего не сказал молодому волхву; он медленно поднялся, опираясь на посох, и подковылял к сердцу капища. Старый волхв поднял ритуальную чашу, что стояла недалеко от костра, крепко обхватил рукой посох, который давно сделался выше его самого, закрыл глаза и зашептал. Волхвы благоговейно замерли.

Вторя словам Белозара, искрящийся туман окружил старца. Дым клубился, будто живой, кудрявился, следуя велению Слова, и медленно, водой, стекал в чашу, что дрожала в старческой руке. Когда чаша наполнилась серебряной водой, Белозар замолк. Туман рассеялся, и волхвам почудилось, будто перед ними не вековой старец, а молодой прекрасный юноша с дымящейся чашей в руках. Волосы его были цвета спелой

пшеницы, а ясные глаза – пронзительно-голубые, как чистое весеннее небо. Но видение померкло, и перед служителями Богов вновь предстал их древний учитель.

– В этой чаше то, что поведали мне Боги, – говорил Белозар хрипло. Его скрипучий голос громко звучал в лесной тишине. – Я не знаю, надобно ли это знание вам передавать. – Он помолчал, задумавшись. – Я так и не решил, – волхв вздохнул. – Как быть со знанием – думать вам, живым. Ко мне летят уж Птицы. Кто хочет – может испить из сосуда, кто хочет – может огонь из него затушить, когда меня не станет. Но коли испить решится кто, пусть помнит: то, что в сосуде помещено – может быть, а может и не быть совершенно.

Белозар замолк и не говорил уж более. Зарницами озарилось на Юге небо, сияющая зелёная пелена укрыла звёзды. Всполохи света играли и переливались, то ярче вдруг светились, то волной бежали, то гасли, чтобы вновь озарить небо-склон таинственным огнём.

– Вестники Ирия совсем близко, – прошептал один из волхвов.

И видели волхвы, как ещё ярче засияло небо, заиграл цветами бархат ночи и заплакали звёзды. Две капли Света опустились подле меркнувшего костра, рядом с Белозаром. Звёздный свет коснулся земли, и перед волхвами предстали птицы необычайной красоты. Голова и грудь – как у прекрасных дев, оперение одной сверкало золотом, другая же была облачена в серебро. Птицы мягко обняли Белозара, уложи-

ли бережно на землю. И полилась песня, и мелодия звуков золотых ворожкой укрывала усопшего. Стоявшие поодаль волхвы медленно, чуть дыша, опустились на ступени капища. Песнь завораживала, уводила за горизонт, в страну, где счастье правит...

Когда первый луч солнца пробудил лес от ночного сна, в древнем капище царила тишина. Огонь потух давным-давно. И лишь полная воды чаша стояла в центре святилища.

Через бескрайнюю тайгу пролежала дорога из Южного Предела к Ледяному Морю, в великий Солнцеград. Путь был долгим и сложным.

Торговый караван с южных земель много дней шёл по дороге, ведущей через дремучий лес, когда лошади остановились недалеко от святого места. Один из пилигримов, стражник в доспехах, в поисках места для лагеря забрёл в древнее капище. Он почтил Богов, помолился Матери-Земле. Когда святое место покинуть собрался, увидел деревянную чашу, которая стояла подле кострища. Сосуд украшали руны, значения которых воин не знал. Он поднял чашу, и легкий ту-

ман стёк с серебристой глади воды. Почудилось путнику, будто бездонная пропасть сокрыта в глубине сосуда, и глядит на него Нечто из толщи воды. Испугался человек, но взо-
ра отвести не мог. Как замороженный смотрел на воду, долго смотрел, пока не одолела его жажда великая. Спасение лишь во тьме сосуда воин видел. Испил воин воды студёной, и небывалое видение предстало перед ним. Будто мир огнём охвачен. Бушует зверь – трёхглавый морской змей. Солнцеград разрушен... А на троне – человек, кто свою душу заключил во тьму.

Часть Первая

Великая Тайга простиралась от Ледяного Моря до крайних Гор Рифея. Исполинские деревья, что помнили времена Богов, что сами – духи, неприступным монолитом хранили древнюю страну. Высокие сосны внимали музыке ветра Стрибога. Тихо пели птицы. И бор шептал на ухо сёстрам-лунам, пока сизый туман тайком гулял по непроглядному лесу.

Глава 1

Слово

Он держал путь через тайгу. Опасное путешествие. Мало кто решался сворачивать с дороги и отправляться в самую чащу. Древние могучие леса, ровесники Богов, бережно хранили свои тайны. Лишь привеска из белого дерева, выструганная и заговорённая любимой, отгоняла мавок и других обитателей чащоб. Путник слышал их шёпоты, видел светящиеся зелёные глаза, чувствовал страх, насылаемый русалками. Но никто из лесных духов не отважился приблизиться к человеку, которого хранил берёзовый оберег. Ночами, когда становилось совсем худо и звуки леса сводили с ума, оберег светился мягким светом и дарил тепло.

Много дней спустя лес сделался совсем тёмным, непроглядным и сырым. Вековые хвои плотно сомкнули над головой колючие ветви. Сизый туман стелился по земле. Лес замер. Не слышно ни пения птиц, ни зверей, ни даже шёпота духов. Путник остановился и посмотрел на оберег: подвес светился, будто ночью – выжженный на дереве солнечный щит горел огнём. Цель близка. Неприятное предчувствие окружило холодом. Хотелось повернуть назад. Но путешественник лишь вздохнул, помолился Сварогу и продолжил путь.

От каждого хрустящего шага замирало сердце. Ветви на-

столько плотно сплелись, что царапали лицо и одежду. Бурелом стал почти непроходимым. Паутина, белая, клейкая, цеплялась, застилала лицо, опутывала руки. Пахло плесенью и гнилью в сумеречном лесу: солнечный свет не мог пробиться сквозь дремучие заросли. Отчаянье уже завладело путником, когда лес вдруг расступился и открыл взору небольшую поляну. Странник замер, прислушиваясь. Тишина. Звнящая. Тёмное место. Ещё более зловещее, чем непроходимый лес. Неведомая сила затаилась у поверхности чёрного, заросшего тиной озера, которое, будто огромное блюдо, лежало в самом сердце перелесья. Серебристый туман окутывал старый покосившийся терем, стоявший на деревянных кольях в центре водоёма. Назад пути нет. Путник знал, что тот, кто доберётся живым до сердца тайги, без позволения хозяина уже не вернётся домой.

С молитвой Сварогу странник вышел из леса. Солнце почти село, и небо светилось тёплым золотом. Свет Дажьбога-Хорса вселял надежду.

Человек медленно пошёл к терему. С каждым шагом воздух становился холоднее, движения давались труднее, будто во сне. Морок. Нельзя поддаваться страху, что предательски звал повернуть назад. Вернуться уже нельзя. Но идти вперёд становилось всё сложнее: свароину⁴ казалось, что каждое его движение, каждый шаг отнимает много сил. Будто

⁴ Свароины – так сами себя называли жители Сваргореи, которые считали себя детьми бога Сварога.

тело сделалось железным, стало неповоротливым и тяжёлым. Путник сбросил с плеч поклажу.

С трудом переставляя ноги, спотыкаясь, сын Сварога добрался до зеркальной поверхности воды. Только сейчас он заметил, что не оставлял следов: ни одна травинка не шелохнулась под поступью его ног. Тёплый свет берега померк. Отец Сварог... Нельзя так страстно желать то, что не предназначено Богами. Теперь же собственная обида своей же гибелью и станет...

Обессилев, путник упал на колени. Мысли сделались тяжелее тела. Вот, значит, какой будет смерть его: сгинет без вести брат царя Солнцеграда в чёрном болоте. Так и надо. Поделом. Не достоин он править Сваргореей, не достоин и ходить по земле. Сварогин перевёл взгляд на зеркальную гладь воды. Из озера смотрел на него уставший человек. Глаза ввалились; длинные, некогда чёрные, будто смоль, волосы были белее снега. В ужасе глядел мужчина на своё отражение, не мог отвести взгляд от безглазой смерти. Это морок. Это – не его лик. Это всё проклятое место. Закрыть глаза не выходило: жуткий, чужой образ будто звал. Не в силах более противиться зову, странник коснулся воды. Холодная мокрая рука обхватила запястье.

– Зачем пришёл? – прошептало озеро, ещё сильнее сжав иллистые пальцы.

Странник не мог вымолвить и слова.

– Боишься, – шептала вода и тянула к себе. – Маленький

человек. Не достоин ты ответ держать перед хозяйкой моей.

«Даже проклятое озеро считает меня маленьким человеком! — думал сварогин. — А я — князь, брат самого царя. Старший брат!» Обида и злость на весь белый свет отгоняли страх.

— Я не за смертью пришёл, — переводя дух, ответил путник. — Я дары принёс.

Озеро рассмеялось, подёрнулось рябью, отчего лик его расплылся, будто маслянистое пятно.

— А это уже не тебе решать, сын Сварога, — хихикала вода, сжав запястье гостя мёртвым хватом. Озеро вспенилось, зашипело и резким движением сорвало оберег с воротника пленника. — Как ты смел с этой гадостью к хозяйке моей явиться? Не верю я тебе, маленький человек.

Озеро потянуло ещё сильнее. Князь упирался изо всех сил, но не выдержал и упал лицом в воду. Шею тут же обхватили мокрые когтистые руки. Чем больше отбивался человек, тем сильнее тянула его Топь.

Вода ворвалась в лёгкие острой, невыносимой болью. Свет померк. И сквозь тьму князь увидел родной Солнцеград, его могучие белые стены. Видел своего брата, Драгомира, царя Сваргореи. Красавицу царицу, белокурую Пересвету. И вновь обида сковала умирающее сердце. Его, Драгослава, должно быть счастье. Трон ему принадлежит по праву, как брату старшему. Но отец, покойный Градимир, решил, что младший сын достойнее и умнее. Старый царь, нарушив

традиции народа, трон Драгомиру передал. С тех пор много лет прошло, но каждый год всё большей горечью отзывался в душе царевича Драгослава. Младший брат боялся старшего и отдалил Драгослава от престольного двора, назначив князем дальнего Борея. Серый, невзрачный городок. Князь видел свой безрадостный удел. Видел любимую Горицу, лесную волхву, жену свою. Лишь в ней одной была его отрада. В её зелёных, будто лес, глазах, её тёплых руках и длинных сказках, что рассказывала ему ночами. Драгослав слышал её голос и сейчас. Тихая песня Горицы лилась сквозь тьму, отгоняя страхи и печали.

Вдруг неведомая сила подхватила тело, и растаял мягкий сон. Драгослав открыл глаза: он лежал на траве. Впереди – зеркальное озеро, а в воде – изба. Только не на кольях стоял старый терем, а на ногах. На жилистых, покрытых волдырями и тиной. Белёная, чешуйчатая кожа свисала лохмотьями. Странные, будто ветви, кручёные жгуты соединяли ноги. Сама изба была из чёрного, как смоль, дерева, и маленькое оконце зловещим багрянцем горело. Царевич испугался, вскочил. И вспомнил всё: зачем в тайгу отправился, к кому пришёл. И ужаснулся тому, что натворил. Но было поздно: стоная и скрипя, терем шагнул к нему. Драгослав попятился назад, но стебли травы, будто змеи, обвили его ноги. Князь старался нащупать оберег, который дала ему Горица, но на воротнике висел оборванный шнурок. Треклятое озеро! Драгослав обхватил руками голову: зачем, зачем он ре-

шился на такое!

Изба, зловонно вздохнув, остановилась почти у самого берега и повернулась крыльцом. Со скрипом отворилась дверь, и на порог вышла дева неземной красоты. Высокая, тоненькая, будто тростинка, облачённая в зелёный шёлковый сарафан. Перехваченные медным обручем русые, с золотыми прядями, волосы струились почти до самой земли. Голубые, как бездонное небо, глаза. Красавица улыбалась.

– Тебе не нужно меня бояться. – Её голос был чист и мягок. – Я знаю, зачем ты пришёл ко мне. Я всё о тебе знаю, Драгослав. И я очень, очень давно жду тебя.

– Кто ты? – только и смог прошептать сварогин. Он ожидал увидеть совсем другое существо.

Дева продолжала улыбаться.

– Ты знаешь ответ. – Она чуть наклонила голову, разглядывая своего гостя. – Но я не думаю, что ты будешь рад моему настоящему облику, царевич. Заходи, – она кивнула головой в сторону двери, – будешь гостем моим.

– Ты – Чёрный Волхв? Яга? – Драгослав не спешил принимать приглашение. – Царица мавок и русалок?

– Как только меня не называют, – вздохнула красавица и облокотилась на резную балясину крыльца. – Много имён у меня, а вот истинного никто не знает. И тебе его не скажу. Ибо сильную власть дарует знание имени, данного при рождении. Вы, люди, и об этом забыли.

– Не понимаю я тебя, – нахмурился Драгослав и шагнул к

терему. – Что сказать ты хочешь?

Дева грустно на него посмотрела.

– Надо было предстать перед тобою древним стариком, тогда бы внял ты мне... Зови меня Агния. – Она поманила его рукой. – Заходи, давно пора.

Драгослав медлил. Страх покинул его, и это настораживало. Слишком приветливой и прекрасной казалась та, что звала его в тёмный, заколдованный терем.

– Ты же знаешь, что не отпущу тебя, – Агния прищурилась. – И знаешь ты, что лежишь сейчас на дне моего болота. А коли вернуться хочешь – бери то, за чем пришёл.

На мгновение привиделось Драгославу, будто окружают его тёмные воды, тело оплела цепкая тина, и илистые пальцы впиваются в плоть. Князь тряхнул головой, стараясь сбросить наваждение, и огляделся. Солнце ещё не село, и его свет окрашивал золотом вершины леса. Ветра не было. Мир замер. Тишина. Неужели царевич и вправду сейчас не здесь, а на дне Чёрного озера? Неужели это сон, навеянный тёмной лесной волхвой? Драгослав посмотрел на ожидающую его деву. Агния была спокойна. Лёгкая, добрая улыбка на её устах – совсем настоящая. Она не может быть служительницей Мора.

– Служат только люди, – устало и разочарованно проговорила Агния.

Драгослав почувствовал, как под мягким взглядом Агнии ноги сами собой пошли к избе. Ступил на воду – и не про-

мок. Но страха не было. Да и удивления тоже. Теперь всё виделось обычным. Как и полагается, под ногами скрипнуло крыльцо. И она ждёт его – как обычно.

– И совсем не страшно, верно? – Агния улыbnулась. Её голубые, как небо, глаза заглядывали в душу. – Тебе не стоит бояться того, к кому за помощью обратиться хочешь. – Яга положила руку на плечо князю.

Драгослав отшатнулся. Князь не боялся Яги, но странное, неясное чувство терзало изнутри.

– Я не понимаю... – прошептал сварогин.

– Всеµу своё время, – Агния взяла его за руку и повела в терем.

На стенах тёмных сырых сеней тускло светились белые грибы и плесень. Потолок терялся в темноте. Половицы стояли под ногами. Сырой коридор закончился покосившейся дверью. Агния отворила скрипучую дверь и вошла в крошечную тьму. Драгослав остановился. Ему чудилась песня, знакомая до щемящей боли в сердце. Словно предостерегая, пел женский голос дорогой душе мотив. Но князь не мог вспомнить, откуда он знает поющую. И почему душой овладела глубокая печаль? Отчаявшись, Драгослав шагнул во тьму.

Когда за князем закрылась дверь, непроглядный мрак подёрнулся серебристой дымкой. Туман обволакивал гостя; туман будто шептал: «Тише, тише, спи, спи...» Воздух переливался невесомыми узорами, походившими на блики в во-

де. Среди дыма рождались неясные фигуры, они танцевали, очаровывали и снова исчезали. Песнь затихла, и печаль отступила.

Сизый туман таял медленно, открывая величественные чертоги. Высокие резные колонны держали купольный свод. Дрожали свечи, что плыли по воздуху, освещая золотую роспись багряных стен. Окна были задёрнуты тяжёлым бархатом. В центре горницы бил родник, обнесённый мраморной кладкой. На ступенях подле родника сидела Агния. Она разложила на полу скатерть с фруктами и вином.

– Проходи, будь моим гостем, – волхва улыбалась. – Отведай кушаний заморских. Ты проделал долгий путь, царевич Драгослав, и заслужил отдых.

Драгослав спустился к Агнии и сел на ступни рядом с волхвой. В воздухе витал сладкий, пряный аромат. Агния налила вино и протянула князю чашу.

– Пей, не бойся, – волхва налила и себе, сделала глоток. – Видишь, я тоже пью.

Царевич отведал вина. Сладкое, пряное, оно разлилось по телу приятным умиротворением. Агния протянула Драгославу мягкий наливной персик. Сахарный фрукт таял во рту. Царевич выпил ещё вина. Стало тепло. Даже жарко. Князь скинул с себя плащ. Агния улыбнулась.

– Это хорошо, что тебе спокойно, царевич, – сказала Яга, делая глоток. – Но помнишь ли ты, зачем пришёл ко мне?

Драгослав отрицательно покачал головой:

– Я даже не помню, как попал сюда.

Агния звонко рассмеялась.

– Неужто я тебя так сильно одурманила, царевич? А ну-ка вспоминай!

Драгослав нахмурился. Голова была тяжёлая, как в тумане. Перед внутренним взором князя появлялись неясные образы, но они были различимы с трудом. Драгослав вздохнул.

Агния пристально смотрела на своего гостя, наматывая на тоненький пальчик золотой локон.

– Ну? – игриво спросила она.

Драгослав выпил вино.

– Мне кажется, что это всё сон, – сказал он, ставя пустую чашу.

– Ты прав, – согласно кивнула волхва. – Но этот сон ты видишь по моему велению, Драгослав. Когда вспомнишь, зачем пришёл ко мне, когда отгадаешь загадку, тогда и наваждение пройдёт. – Волхва откинулась, отпила вина и, задумчиво глядя на плывущие огоньки, тихо проговорила: – Как же можно забыть своё самое сильное желание?

– Зачем ты наслала на меня морок?

– Чтобы ты страх забыл, царевич. Уж больно страх мешал тебе. Но разве я могла подумать, что со страхом ты и себя забудешь?

Драгослав смотрел на красавицу, сидевшую рядом на ступенях, и глубокие, смутные сомнения наполняли душу. Он не испытывал страха, который обычно сопровождает дурной

сон, не чувствовал тревоги из-за того, что забыл, как попал к волхве. И это пугало царевича больше, чем отсутствие воспоминаний. Ещё было какое-то желание, просьба, с которой он пришёл к Агнии. Ах, да. Её зовут Агния. Оказывается, он забыл и её имя. Забыл имя той, кому принёс дары.

– Дары, – прошептал Драгослав, разглядывая узор на скатерти. – Кажется, я пришёл за помощью. И принёс тебе дары.

– Дары? – удивилась Агния. – От смертного?

Князь, хмурясь, кивнул. Он был готов принести самую страшную жертву, чтобы получить то, чего больше всего желал. Перед князем предстало со всей ясностью: желание, обида, изводившая его всю жизнь. Обида на отца и на младшего брата.

– Пока я помню, – Драгослав вдруг почувствовал, как растаял дурман, ясной стала голова, и его земная жизнь предстала ярко. – Пока твой морок вновь не одолел меня, Яга, – Агния насторожилась, впиваясь в гостя взглядом. – Я пришел к тебе за силой, которая поможет мне получить то, что принадлежит по праву – трон. И я знаю, что плата за твою помощь велика, волхва. И я готов предложить тебе самый ценный дар, что есть у меня, – свою душу.

Агния сначала удивилась, а потом рассмеялась.

– На кой мне твоя душа, если она даже тебе не надобна? – проговорила волхва сквозь смех. – Какова будет плата – потом скажу, когда время придёт. Твоё Слово мне сейчас нужно: что сдержишь своё обещание и сделаешь то, что попро-

шу, и ровно тогда, когда попрошу.

Волхва говорила мягко, только казалось князю, будто от её слов холод пробирает до костей, словно и вправду сам он до сих пор лежит на илистом дне болота.

– Попробуй, – прошептала Агния, словно прочитав мысли князя. Она подвинулась ближе и поднесла к губам царевича наливное яблоко. Бездонные голубые глаза волхвы пленили. – Отведай фрукт и выпей ещё вина, Драгослав.

Князь не мог сопротивляться. Сочный, налитой фрукт манил, бархатный голос Агнии завораживал. Драгослав закрыл глаза и откусил. Терпкая сладость дурманила.

И в дурмане видел Драгослав, как высокие заснеженные скалы упирались вершинами в небосвод. Почти отвесную гряду соединял вырубленный в камне пандус, ступенями поднимавшийся к небесам. Природную стену украшало множество древних рун, значения которых были утрачены давным-давно. В центре монолита тускло светилась похожая на четырехлапого паука руна Рок. Символ вечного, изначального и непознаваемого. Начало и конец мира слились в этих седых скалах, хранивших память тех лет, когда Боги жили в Свету вместе со своими детьми. Тех далёких лет, когда змий Полоз еще не совершил предательства, уговорив Мора наслать лютый холод на весь белый Свет. Тех лет, когда Перун ещё не совершил своей великой победы, а ступал по одной земле вместе с пращурами. Теперь же Небесные Скалы отделяли мир смертных от царства Богов. Лишь истин-

но чистый душой мог взойти по каменной лестнице и предстать перед Золотыми Вратами в Светомир и Небесным Огнём Сварога.

Драгослав видел океан, который бушевал вокруг Небесных Скал Блажена, земли пращуров. Волны вздымались до небес, чуть ли не до самих Золотых Врат. Ветер, холодный и колючий, нещадно рвал облака. Князь чувствовал великую мощь морской стихии, сравнимую разве что со стихией небесной. Как же, наверное, бушуют волны у Краколиста, как же небесные ветра гуляют в его сияющей кроне...

Драгослав видел тьму морскую. Глубокую, древнюю. Спокойную, спящую. Лишь одинокий человек с волосами-водорослями, в которых плавали рыбы, грустно смотрел сквозь бытие. Он восседал на коралловом троне, а у его ног лежал, свернувшись, словно кошка, чешуйчатый зверь. Взгляд сидящего на троне был настолько тяжёлым, что под его взором тысячи ледяных игл пронзили душу. Полоз. Бог морской пучины много веков ждал своего часа.

Драгослав видел армаду потопленных кораблей, которые ждали пробуждения. Их мачты давно истлели, паруса съели рыбы, но их души всё ещё надеялись воскреснуть. Царевич видел морских дев, что пели песни кораблям, а у берега обращались в Топей, утаскивая в пучину вод заблудившихся странников. Голоса морских дев звенели в морском безмолвии, и Полоз, подперев голову рукой, внимал их музыке.

Драгослав видел покрытую вечным снегом землю на дале-

ком Севере, что лежит среди бескрайних, скованных льдом, морей. Видел Мёртвый Город на овеваемых дыханием Неяви ледяных землях. Видел гигантский чёрный Колодец в центре застывшего града, ведущий через морскую пучину в мир Мора. Лететь по этому колодцу двенадцать дней и двенадцать ночей, тёмных и долгих, чтобы потом упасть за девятое небо, в царство Неяви.

Драгослав видел другие страны, тёплые и холодные, сухие и дождливые, люди которых славили иных Богов. Царевич видел весь необъятный мир, который был намного больше его родной Сваргореи. От увиденного захватывало дух.

Драгослав видел звёзды Древа Мира Краколиста. Холодные и далёкие. Крона Древа Мира цвела на ночном небе. Звёзды плыли. Жёлтые и тёплые. Их пламенные языки танцевали, бликами разливаясь по золотой росписи свода и колонн. Дрожали длинные, густые тени. Болела затёкшая от неудобного положения спина. Сил не было.

– Что это было? – с трудом проговорил князь, когда понял, что вновь оказался в тереме волхвы.

– Мир, в котором ты живёшь, Драгослав. Он бесконечно больше знакомого тебе. И он может стать твоим.

– Весь мир? – прошептал Драгослав, всё ещё глядя на огни. Впечатление от увиденного было слишком сильно. Вид восседающего на троне Бога, Колодец Мёртвого Града, Врата поразили царевича до глубины души. Никто из смертных, да и вряд ли кто из прашуров, достаивался такого...

– Да.

Драгослав медленно сел. Князь чувствовал себя охмелевшим. То ли от вина, то ли от невозможного видения. Царевич посмотрел на волхву. Агния по-доброму, мягко глядела на него.

– Ты предлагаешь обратиться к самому Полозу? – Драгослав с ужасом догадался о смысле видения.

Волхва кивнула.

– К творению его, Змею Морскому, – уточнила Агния. – А коли власть сумеешь удержать, то и сам Полоз тебе помощником станет. Уже давно Бог морей только и занимается тем, что от скуки топит корабли. Отвернулись от него остальные Боги, не смогли простить его, одного оставили. Даже земля под водой молчит. Нарушили Боги свои же заповеди.

Долго молчал Драгослав, разглядывая узоры скатерти. Он чувствовал, как нехорошо ему стало от слов волхвы, как страх вновь овладел его сердцем. Страх перед тёмным Богом морских пучин с волосами-водорослями и детищем его, трёхглавым змеем.

– Не могу я идти против Отца-Сварога и Матери-Земли... – наконец прошептал Драгослав, стараясь не смотреть на волхву.

– Раз не можешь, тогда оставайся спать в моём болоте, – Агния поджала губы, махнула рукой, и скатерть, уставленная яствами, сама по себе свернулась и исчезла. Волхва встала со ступеней, взмахнула руками, словно птица, и из её рукавов

потекла вода.

Драгослав вскочил, отбежал к ближайшей колонне, но та, расколовшись, изрыгнула на него фонтан брызг. Спотыкаясь о воду, князь вернулся к роднику. Вода прибывала с ужасающей скоростью. От страха у Драгослава перехватило дыхание. Агния смотрела на своего пленника со злостью и разочарованием, от её доброго озорства не осталось и следа. Её лик был по-прежнему красив, но красота её сделалась ужасной.

Мерно плывшие свечи закружились в диком танце. Огонь плескался и играл, отражаясь в чёрной воде. С трудом поборов сковавший ужас, князь взбежал по ступеням, но из родника хлынул ледяной поток и сбил его с ног. Драгослав с криком скатился по ступеням в пенящуюся воду. Резкая боль пронзила спину, ледяная вода сомкнулась над головой. Сквозь марево растекающегося по поверхности воды света князь видел лицо волхвы, ледяное, полное презрения. Его презирала даже лесная ведьма.

– Ты согласен исполнить то, за чем пришёл? – шёпот Яги растекался вместе с водой, заполняя собой мир.

Вода застилала всё сущее, затмевала разум. Темнота становилась всё гуще, чернильнее, глубже. Иногда сквозь неё проступали неясные видения, призраки, но, так и не оформившись, тут же исчезали.

В темноте, где-то высоко-высоко, плавал солнечный зайчик. Он переливался, расплывался, играл среди мерно ко-

лыхающих водорослей. Кручёные, высокие, они, подобно деревьям, тянулись к солнцу, росли из груди, из живота, из рук. Среди пузырьков плавали рыбы. Драгослав смотрел на рыб и думал о том, что всё то, что ему привиделось, и прекрасная Агния, и терем, есть не что иное, как дурман, посланный Топью, хоронившей дом Чёрного Волхва. Почему царевич решил, что легендарный волхв может помочь ему? Зачем отправился в лес на свою гибель?

Но сквозь переливающиеся блики Драгослав вновь увидел лицо Агнии. Она была прекрасна, и от этой её красоты становилось ещё страшнее. Волхва, словно призрак, парила над ним, а её волосы сливались с водорослями, и в них тоже плавали рыбы. И тут страшная догадка озарила Драгослава. Агния, прекрасная дева, есть один из множества ликов Бога водных пучин, живущего в каждом ручье и озере. И сказ о Чёрном Волхве, обитающем в самом сердце тайги на болоте, есть сказ об одном из явлений Полоза.

– Дашь ли ты мне Слово своё, Драгослав? – улыбаясь, спросила Агния. – Возьмешь ли то, за чем пришёл ко мне?

«Я не знал, что обращаюсь к самому Полозу», – подумал Драгослав, и Агния рассмеялась.

– А какая разница, царевич, к лесному ли волхву обращаться или к Богу Полозу? Ты никогда не был согласен с волей Богов и своего отца. Так разве ты не предал Сварога, когда пообещал самому себе стать царём Сваргореи?

– Это отец предал меня, нарушив традиции предков.

– В мире ничего не происходит без ведома Богов.

Сомнения разрывали душу Драгослава. Умирать было страшно. Очень страшно. Вестники Ирия не прилетают к утопленникам. Утопленники отправляются к Морю. Царство вечной тьмы пугало Драгослава ещё больше, чем предательство. Неужели, думал Драгослав, я настолько малодушен, что не могу с достоинством принять кончину свою?

– Ты не малодушен, – отвечал в голове насмешливый голос волхвы, – ты обычный человек, царевич. Но можешь стать царём всего мира, если отважишься протянуть руку. Или же тебе придётся вечно блуждать во тьме.

Драгослав видел, как его рука сама потянулась к Агнии. Его рука была страшная, обезображенная, со сгнившей плотью, изъеденная рыбами, почти истлевшая. Князь видел белые кости, что торчали на запястье. Сколько же времени он провёл на дне Чёрного Озера? Драгослав зажмурился.

Маленькая ладошка Агнии была на удивление тёплой и сухой. Это было странно. Драгослав почувствовал, как другая ладонь волхвы легла ему на лоб. Князь открыл глаза. Он лежал на ступенях родника, рядом сидела Агния. На полу по-прежнему расстелена скатерть-самобранка. В свете свечей алое вино горело драгоценным рубином.

Драгослав посмотрел Агнии в глаза. Её взгляд вновь был мягок и добр.

– Обратной дороги нет? – без особой надежды спросил князь.

Агния отрицательно покачала головой.

– Даже если бы и была, разве не об этом ты мечтал всю жизнь? – спросила она мягко. – Не обманывай себя, царевич. Ты прекрасно знал, к кому обращаешься. Ты знал, что доброй война не бывает.

Драгослав с болью в сердце понимал, что волхва права. Он шёл к тёмным силам, он готов был отдать душу ради своей мести. Но всё оказалось страшнее и ужаснее, чем он мог представить. Агния, посланница Полоза, его лесная волхва, не хотела высокой платы за свою помощь. Она хотела вернуть Змиев Век.

Агния рассмеялась.

– Неужели ты думал, князь, что названная тобой плата годится для свершения твоей мести? – Яга читала его мысли. – Коли отважился меч на брата поднять, коли отважился пойти против воли Богов, будь готов заплатить самую высокую цену, царевич.

Драгослав с трудом сел. Он налил себе вина и залпом опустошил чашу. Затем ещё и ещё. Кровь стучала в висках. От осознания содеянного тошнило. Царевич налил ещё. И ещё. Драгослав пил до тех пор, пока сладостный дурман не завладел телом. Агния рассмеялась. Звонко и пронзительно, и князю показалось, будто это сам мир смеётся над ним.

– Как страшно получить то, о чём мечтал, верно? – улыбалась волхва. – Страшно исполнить свою мечту?

– Я не мечтал вернуть Век твоего Господина. Я лишь хотел

перестать быть осмеиваемым всеми.

Агния покачала головой.

– За такие речи я и убить тебя могу, царевич. Не забывай о том, где твоё тело отныне лежит.

– Не можешь. – Охмелев, Драгослав набрался смелости и посмотрел в бездонные голубые глаза. Князь вдруг понял ещё одну важную вещь. – Если убьёшь меня, сама же на веки в своём тереме и останешься. Ты не только Полозу служишь, ты сама о свободе мечтаешь. За что тебя пленили Боги?

Агния смотрела на князя, и в её глазах плескался ледяной гнев. Но Драгослав был слишком пьян, чтобы испугаться. Теперь настала его очередь улыбаться.

– Ты и так слишком много знаешь для простого свароги-на, – сухо проговорила Яга, вставая. Волхва подошла к князю и протянула ему руку. – Полоз ждёт тебя.

Драгослав поднялся сам, руки Агнии не взял.

– Ты говорила, что отпустишь меня, когда я возьму то, за чем пришёл, – сказал князь, продолжая смотреть волхве в глаза. – Я беру тебя, Агния, – Драгослав взял её руку. – Прикажи Топи отпустить меня, и мы вместе пойдём к Полозу.

Агния побелела, ещё больше поджала губы: прекрасное лицо Чёрной Волхвы исказила злость. Князь понял, что разгадал её загадку. Но волхва ничего не ответила князю, она согласно кивнула головой, положила обе ладони царевичу на плечи, закрыла глаза и зашептала.

Драгослав видел, как с пола к потолку потекла вода. Ты-

сячи сверкающих капель устремились к купольному своду. Дрожащие свечи по-прежнему плыли. Вода летела сквозь них, будто их и не было. Или вообще ничего не было?

Князь не мог вымолвить и слова. Он хотел бежать, но не мог двинуться с места. Под отяжелевшими руками Агнии его тело будто приросло к полу. Полными ужаса глазами смотрел Драгослав, как вода всё прибывала и прибывала. Шёпот волхвы всё усиливался, разливался вместе с водой по воздуху. В нём плавали туманные фигуры, искрились всполохи света и отражались свечи. Вода текла снизу вверх, и она была на удивление тёплой, успокаивающей. Страх сменился умиротворением, на смену которого пришёл сон. Чем больше становилось воды, тем сильнее хотелось спать. Князь не выдержал и закрыл глаза.

Ему снились удивительные сны. Он то лежал на дне морском, то восседал на троне Солнцеграда. Он видел и пучину морскую, и тьму небесную, в которой покоится крона Краколиста. Драгослав видел дальние страны и странные, удивительные миры. Князь видел Златые Врата и Мёртвый Город. Драгослав стоял у Колодца, и его босые ноги пронзали тысячи холодных игл. Ледяной ветер Неяви, что дул из чёрной зияющей дыры, пробирал до костей. Царевич стоял там целую вечность, пока его кожа не иссохла, и не заledenели побелевшие кости, но так и не решился прыгнуть. Она стояла напротив и ледяным взглядом смотрела на него. Она ждала. И он протянул ей руку.

Её тёплая ладонь была спасением в царстве вечной ночи и льда. Драгослав чувствовал, как возвращается жизнь в его мёртвое тело. Ему было хорошо и спокойно.

Князь видел, как на дне Колодца, в глубине среди звёзд, спал человек. Давно спал, целую вечность. Его длинные чёрные волосы опутали водоросли, и среди них плавали рыбы. Цепкие пальцы Топи намертво сковали его тело, сделав похожим на грудку камней. Вода колыхнулась, и волосы спящего на мгновение открыли его лицо. Испещрённое кораллами и ракушками, но всё ещё узнаваемое. От увиденного у Драгослава перехватило дыхание, резкая боль пронзила всё его существо.

Встреча Драгослава и Агнии

Разговор Семаргла и Белазара

Он открыл глаза. Перед ним были редкие сухие травинки, торчащие из каменистой земли. Ещё один спазм скрутил тело. Вода покидала легкие с резкой болью.

Драгослав с трудом приподнялся, опираясь на ослабшие руки. Лёгкий солоноватый ветер приятно освежал. Море, отражая золото заката, простиралось до самого горизонта. Князь несколько раз зажмурился, но окружающий мир оставался тем же.

– Ты действительно на берегу Ледяного Моря, – сказали рядом, и Драгослав обернулся. Подле него сидела маленькая зелёная ящерица. Князь посмотрел в другую сторону, но голос заговорил вновь.

– Да, это я с тобой разговариваю. – Князь снова посмотрел в сторону ящерицы. У неё были пронзительные голубые глаза. Князю даже показалось, что ящерица улыбается. – Да, да. – Ящерка кивнула головой, и у Драгослава не осталось сомнений, что с ним говорит рептилия. – Я не могу быть человеком в вашем мире. Пока не могу. Поэтому тебе придётся привыкнуть ко мне такой.

– Агния? – Драгослав не верил собственным глазам.

– Да, – кивнула ящерица, и князь вдруг понял, что слышит её голос только в голове. – Теперь мы оба на земле. Я вернула тебя, а ты забрал меня.

Драгослав сел. Голова кружилась. По правую руку прости-

ралось море, слева каменистый берег переходил в лес. Царевич медленно осмотрел себя: одежда была сухой, недалеко лежал мешок с вещами. Князь хотел было встать, но ватное тело не слушалось. Царевич вновь посмотрел на ящерицу. Она наклонила головку набок и внимательно смотрела на князя. Драгослав отвернулся от неё. Это не похоже даже на ворожбу сильнейших волхвов. Либо он сбился с пути и сошёл с ума, либо сон, насланный волхвой, всё ещё продолжается, а сам он по-прежнему в плену у Топи.

– В том-то и дело, что ты уже давно лежишь на берегу, – сказала ящерица и подползла ближе. Князь невольно отодвинулся от неё. – Озеро осталось очень далеко в тайге.

– Не разговаривай со мной! – не выдержал Драгослав и попробовал встать. Слабое тело не подчинилось, и царевич тут же завалился обратно. В голове раздался звонкий смех.

– Ты боишься меня после всего, что видел? – спросила Агния.

– А что я видел? – переспросил князь, зажмурившись. Когда он открыл глаза, ящерица всё ещё оставалась на месте. – Я ничего не видел! Это всё сон!

В голове вновь раздался смех. Князь обхватил руками голову: теперь он был уверен, что сошёл с ума. Так его наказали Боги. Драгослав отвернулся от ящерицы и, преодолевая себя, с трудом поднялся. Его шатало, тело ломило, но он заставил себя сделать шаг. Затем ещё и ещё. Князь медленно, не оборачиваясь, ковылял прочь от того места, где сидела

ящерица. Драгослав даже не поднял свои вещи. Уйти нужно было как можно быстрее и как можно дальше.

– Тебе некуда идти. – Зелёная рептилия с голубыми глазами вновь сидела перед ним. – Хватит, Драгослав. Всё, что случилось, – случилось на самом деле.

Князь закрыл глаза, зажал ладонями уши и заковылял обратно. Драгослав думал, что если он какое-то время не будет видеть своё наваждение, ящерица исчезнет сама.

– Даже если ты зароешься в песок, прыгнешь в воду, ты всё равно будешь слышать меня, Драгослав. – Голос в голове неумолимо звучал. – У нас с тобой уговор, не забывай об этом, князь.

Драгослав завыл и опустился на колени. Боги наказали его самым страшным способом – безумием.

– Ты не безумен, Драгослав. – Судя по всему, она вновь была рядом. – Открой глаза, царевич. Возьми меня на руки.

Драгослав отрицательно покачал головой, продолжая упрямо сидеть с закрытыми глазами и закрывать руками уши. Князь почувствовал, как ящерка сама забралась на него. Она залезла на плечо и холодной головкой коснулась его руки.

– Ну же. В мире и не такие чудеса бывают, Драгослав. Смотри и слушай, князь.

Князь нехотя, но послушался. Он дрожащими руками взял ящерицу и внимательно на неё посмотрел.

– Что ты со мной сделала? – еле проговорил Драгослав.

Мысль о том, что он всерьёз обращается к ящерице, сводила князя с ума.

Агния наклонила остренькую головку набок. Совсем как во сне, подумал Драгослав. Неужели и вправду она?

– Тебе нужно поверить, – говорила волхва мягко. – И тогда твой разум вновь обретёт силу, а тело – окрепнет.

– Как мы оказались здесь?

– Мавки. Они служат мне. Они вытащили твоё тело из озера и отнесли к морю. Ты ведь согласился обратиться к Полозу.

Голубые, как небо, глаза ящерицы смотрели будто в душу. Глубокие, настоящие. Драгослав набрался смелости и легонько погладил ящерицу по голове. Князю показалось, что она улыбнулась. Значит, не сон. Значит, всё взаправду. И лесной терем, и волхва, и видения Полоза. И значит, связан царевич с волхвой страшной клятвой навечно. А в морской пучине ждёт его на троне Полоз.

– Ждёт, давно ждёт, – согласилась Агния и удобнее устроилась у Драгослава на ладони. – Вставай и иди, сил я тебе дам.

Драгослав чувствовал, как ясной становится голова, как вновь наливаются силой мышцы. Царевич посмотрел на море: вода была спокойна и лениво наползала на берег. Золотое вечернее солнце клонилось к закату. Интересно, этот вечер когда-нибудь закончится?

– Ты хочешь, чтобы я пошёл в море? – спросил Драгослав

Агнию.

– Отнеси меня к воде.

Драгослав встал. Тело вновь слушалось его, мышцы обрели силу. Князь аккуратно посадил ящерицу у самой кромки воды и опустился рядом на колени. Царевичу было страшно думать о происходящем, ещё страшнее – о его причине. Мавки, которых он с трудом представлял, непостижимым образом перенесли его на много вёрст. У его ног сидела говорящая ящерица, которая собиралась от его имени обратиться к Полозу, чтобы тот помог Драгославу вернуть трон. Происходящее настолько не укладывалось в голове, что проще было перестать о нём думать. Если это всё же сон, то он, рано или поздно, должен закончиться. Если нет, то пусть эту пряжу расплетают Боги.

Драгослав услышал шёпот и обратил внимание на ящерицу. Агния замерла на четырёх лапках. Она стояла в мелкой воде, внимательно глядя на воду. И чудилось Драгославу, что шёпот слышит не только он, но и вся природа.

Шёпот то сильнее становился, то стихал. И ветер, вторя ему, то дул, то замирал. И среди шелеста услышал Драгослав Слово. Ветер подхватил Слово, прошептал его несколько раз и понёс над водой. Казалось Драгославу, что теперь поёт и сам ветер, и вода, и небо... Их божественные голоса сливались в чудесную мелодию, которая звенела в мире подобно хрустальным колокольчикам: *«Просыпайся. Просыпайся тот, кто спит на дне. Просыпайся. Просыпайся тот,*

кто служит Полозу и воде. Просытайся. Просытайся и иди за мной. Иди за той, кто нарушил твой вечный покой. Просытайся и живи, корабль душ. Просытайся и служи. Просытайся и живи, слуга Царя Морского. Просытайся и служи. А когда восстанет Царь Морской, слуга, ты Слово за меня скажи и мёртвых Его слуг ты оживи, корабли огнём жизни одари. Пусть их паруса сияют ярче огненной зари, а тело – белее звёзд, что светят в кроне Древа Мира. Просытайся и живи, и исполни Слово. Просытайся и служи мне и царю своему, Драгославу...» Слова звучали во всём сущем, и даже море шептало их берегу. То громче пело всё, то тише, сливаясь со звуками мира, пока не растаяло Слово в их естестве.

Глава 2

Царевич

Могучий город купался в лучах утреннего солнца. Волны мерно накатывались на основание монументальной стены, окружающей белокаменную столицу-остров. Крылатые хранители города, гордые соколы-Рароги, с высоты обелисков взирали на каменную пристань, что вела к парадным вратам Солнцеграда. Створы врат украшало Древо Мира, Краколист, выгравированное древними мастерами в те далёкие времена, когда Боги жили среди людей, а пращуры не уходили на остров Блажен. Крону Древа усеяли алмазы, ослепительно сияющие при свете дня, подобно звёздам на ночном небе. С наступлением темноты алмазы излучали тихий, холодный свет. Говорили, будто бы это и не камни вовсе, а настоящие звёзды из кроны Краколиста. Будто бы сам Сварог украсил ими врата в стольный город.

По обеим сторонам врат высились грандиозные башни Солнцеграда, с двускатной крышей и шпилями, увенчанными золотыми дисками с расходящимися от них лучами. Когда солнечный свет падал на диски, они так ослепительно сияли, что казалось, будто бы сам Хорс опустил свою благоденственную ладонь.

Тот, кто впервые видел великолепную столицу Сваргореи, замирал, поражённый её величием и монументальностью.

Сами Боги помогали древним мастерам возводить город, каскадом домов, башен и парящих пандусов поднимавшийся к своему сердцу – белокаменному терему, возведённому на высоком, словно гора, корпусе. А за царским теремом высился каменный Перун. Сквозь облака взирал Громовержец на своих подданных. Облачённый в доспехи, старший сын Сварога устремил руку с сияющим топором в небо: не посмеет ступить враг на священную землю северян, не вернётся Мор-Чернобог на землю детей Сварога. Другой рукой Перун держал щит, украшенный молниями, которые светились и ночью и днём.

Столицу окружали четыре города-острова: Берес, что располагался ближе всех к Большой Земле, Варгл, западный остров, самый северный – Дален и восточный – Рамила. Солнцеград с другими островами соединяли широкие мосты, пройти по которым могли даже массивные, с загнутыми бивнями, мохнатые ингры ⁵. Мосты, возведённые на мощных арочных опорах самими Богами во времена Золотого Века, пережили даже ненастья Ледяного Века. Грандиозные морские дороги считались оберегами и гордостью стольных островов. Между Бересом и Солнцеградом был построен надводный порт Идра, самый большой и оживлённый порт Сваргореи.

Стоял тёплый червень ⁶, первый месяц лета, когда блужда-

⁵ Ингра – вымышленное северное животное, подобное мамонту.

⁶ Червень – июнь.

ющие льды почти не приходят с Далёкого Севера. Прекрасное время для судоходства. Множество кораблей постоянно прибывало, отбывало и отдыхало в порту. Деревянные, резные, из тёмного, медового, реже – белого дерева, созданные для путешествий между многочисленными островами северной Сваргореи. Паруса – белые с красными рунами, наоборот – реже; на носах кораблей располагали резные фигуры Перуна или Стрибога, защитников мореплавателей. Иногда – Полоза, надеясь на покровительство строптивного Бога морской стихии. Мир и покой царили в шумной, оживлённой столице. Давно прошли те тёмные времена, когда острова Севера, да и сама Большая Земля, были охвачены междоусобным раздором. Тысячу лет назад воин-вохв по имени Светлогор объединил воюющие земли, став первым царём единой Сваргореи. Столицей провозгласил свой родной город-остров, один из древнейших городов, возведённый еще в Золотом Веке, Солнцеград. С тех пор не поднимали мечей друг на друга братья-сварогины. И каждый год, в самый долгий день месяца червеня, когда солнце не заходит за горизонт, вместе с праздником ясноликого Дажьбога-Хорса отмечают люди и день Мира.

Юноша вздохнул и закрыл книгу. Он уже наизусть знал историю своего прославленного предка, и вновь читать ту же древнюю былинку, только в пересказе другого летописца, ему не хотелось. Молодой человек устало посмотрел в окно: словно на ладони раскинулся Солнцеград, как и в летопи-

си, купавшийся в лучах тёплого вечернего солнца. Вдалеке, почти на горизонте, между белокаменными башнями, теремами и домами можно было разглядеть блеск моря. Ах, как царевичу хотелось туда! Особенно сейчас, в пору лета, когда корабли безопасно путешествуют между островами. Как же хочется вырваться из душной ученической кельи. Лучше бы родиться в семье рыбака. Или погонщика ингры. Или... Любой удел виделся юноше намного привлекательнее своего собственного – удела наследника престола. С ним никто и никогда не разговаривал на равных, даже в детстве друзья играли с ним в игры почтительно. Да и друзьями ли они ему были? Царевич грустно вздохнул, посмотрел на книгу и положил фолиант на стол.

Дни, проведённые за стенами Ведомира ⁷, походили один на другой. Серые, безликие, скучные. Ранний подъём, молитва, скудный завтрак, упражнения в языке, упражнения в точных науках, затем лёгкий полдник, упражнения в борьбе, фехтование, затем короткий отдых, обед и упражнения в волхвовской науке для воина, Правосиле. После простого ужина – стакан воды, упражнения, заданные учителями для самостоятельной работы, молитва и сон.

Царевич учился вместе с другими детьми – сынами веденеев ⁸, казначеев, князей, купцов и тех, кто поступил на

⁷ Ведомир – школа, среднее учебное заведение.

⁸ Веденей – знающий, ведающий. Член Правящей Палаты (Собора) при князе или царе.

обучение просто по своему желанию и дарованию. Такие дети были очень способные, учились усердно. И царевича они удивляли до глубины души. Он бы с превеликой радостью поменялся бы с кем-нибудь из них местами и бежал домой. Десять лет учёбы в Ведомире, затем пять – в Ведагоре⁹. Затем служба, ещё пять лет. Затем служба, еще пять. Потом нужно будет стать помощником кого-нибудь из царских веденеев, начинать государственные дела. Жениться. На той, кого выберет для него отец. Она должна быть умной, закончить обучение в Сестринском Ведагоре¹⁰ и происходить из богатого, знатного рода. О любви тут думать нельзя. Юноше казалось, что ему вообще думать нельзя, разве что над упражнениями в домашнем задании. Всю жизнь за него всё решали окружающие, решают сейчас и решать будут. До тех пор, пока он не займёт престол своего отца. А там – и подавно. Где это видано, чтобы царь по сердцу жил? Вся жизнь виделась безрадостной, тяжёлой и неинтересной. Царевич не раз говорил отцу о своём желании отречься от престола в пользу старшей сестры, Лады, но Драгомир был непреклонен. «Ты, Веслав, занять трон должен, – говорил владыка Солнцеграда. – Только ты, мой единственный сын, и никто другой».

Веслав завидовал Ладе, а Лада завидовала ему. Девушка видела, с какой любовью и трепетом отец отзывается о млад-

⁹ Ведагор – высшее учебное заведение для юношей.

¹⁰ Сестринский Ведагор – высшее учебное заведение для девушек.

шем ребёнке, в то время как к ней царь относится холодно. Лада знала, что любой правитель мечтает о наследнике – первенце, мальчике. Но против её воли обида закралась в девичье сердце и с годами становилась лишь сильнее. Тщетно успокаивала её мать, тщетно пытался развеселить Веслав. Царевич видел, что Лада старается быть близкой ему, но видел также и то, что неискренней была её сестринская любовь. И это печалило молодого наследника.

Погружённый в свои мысли, Веслав не заметил, как в его келью вошёл служка. Царевич вздрогнул от неожиданности, когда послушник волхвов произнёс робкое: «Гой еси, царевич Веслав!». Мальчик сказал, что наставник Искрен просит царевича прийти в Святобор ¹¹. Старый волхв ждёт своего ученика под священным дубом.

Священная роща находилась за восточной стеной большого терема Ведомира. Ухоженный, обнесённый каменной оградой лес с насыпными дорожками, ведущими к озеру, в центре которого, на небольшом островке, раскинулся дуб. За дубом – капище. Под дубом – скамья для размышлений. У деревянного пирса, на который выходила главная аллея Святобора, мерно покачивались пришвартованные лодочки.

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая воду золотистой бронзой. Царевич сел в лодку и взял вёсла. Он видел белый силуэт своего учителя, ждавшего возле дуба. Искрен

¹¹ Святобор – священная роща, в которой располагались капища и Великобожия.

сидел неподвижно, будто статуя. Веслав подумал, что старый волхв очень похож на капий – такой же сухой, как древнее дерево, такой же непоколебимый и такой же спокойный. Царевич не всегда понимал своего наставника, но любил его. Речи старика, пусть и не совсем ясные, успокаивали юношу. Говорил учитель тихо, даже шепло, с какой-то перекачивающейся хрипотцой. Веслав слышал много голосов за свою жизнь. Слышал убедительные речи отцовских вещателей, проникновенные слова волхвов, заумные рассказы учителей и залихватские басни своих сверстников. Но никто не мог говорить так, как молвил его наставник. Слушать Искрена хотелось вечно: он никогда не повышал голоса, и, даже если говорил о грустном, казалось, будто старик улыбается. Но не надменной была его незримая улыбка, не глупой, а знающей. И корил он мягко, с любовью. Но эти его поучительные речи были намного сильнее настоящей брани.

Искрен улыбался. Он мягко поприветствовал своего ученика и пригласил его расположиться рядом. Учитель и ученик некоторое время молчали, глядя на озеро. Тихо шумел лес. Звонко пели птицы, радуясь тёплому летнему вечеру. У берега, поросшего камышом, отдыхали длинноногие, изящные кьор. Белых птиц с тонкими клювами часто разводили у озёр Святоборов, храмов, Ведагоров. У самого царя, в теремном дворце, жило семейство этих благородных птиц. Молчаливые, они грациозно расправляли свои огромные, подбитые чёрным кантом, крылья и гордо вышагивали.

Даже рыбу ловили с достоинством, без суеты. Долго высматривает кьор свою добычу, и молниеносно, точно выхватывает серебристую рыбку.

– Они действительно прекрасны, – обратился к царевичу Искрен, и юноша вздрогнул от неожиданности. Веслав поспешно отвернулся от птиц: ему стало неловко, и он не знал почему. Словно залюбоваться птицами было неуместно перед учителем.

– Нет ничего дурного в том, что кьор привлекли твоё внимание, – говорил старый волхв. – Они очень красивы, Веслав, и нам многому можно у них поучиться.

– Поучиться у птиц? – осторожно переспросил царевич. Учитель удивил его, решив говорить о птицах. Юноша ждал рассуждений о его постоянно блуждающем внимании, о важности сосредоточения и созерцания, постигнуть которые у Веслава никак не выходило. Душа царевича рвалась вперёд, а учителя-старцы извечно осаживали этот вдохновенный порыв. Будущему монарху негоже думать о своих желаниях.

– Да, – сказал Искрен. – У птиц. Смотри, как они все вместе купаются, ловят рыбу. Кьор образуют семьи и держатся друг друга всю жизнь. Именно поэтому, а не только из-за красоты, их считают благородными. Как бы высоко кьор ни взлетали, как бы далеко ни отправлялись, они всегда возвращаются на родное озеро, в свою стаю.

– Вы хотите поговорить о моём долге наследника престо-

ла? – резко и прямо спросил Веслав.

Искрен рассмеялся.

– Ты умный юноша, – мягко проговорил старый волхв. – Но сейчас я говорю не о тебе. Я хочу поговорить с тобой о твоей семье, – Искрен внимательно посмотрел в голубые глаза царевича. – Твой покойный дедушка, великий царь Градимир, нарушил традиции и передал трон младшему сыну, отцу твоему.

– Но Великий Собор одобрил выбор деда, – растерянно ответил Веслав. О таком учитель говорил впервые. После принятия того самого решения царя Градимира, его обсуждение находилось под негласным запретом. Все покорно приняли волю царя и созданного Великого Собора, и никто не осмеливался говорить о решении монарха.

– Да, конечно, – тихо согласился наставник. – Твой отец – мудрый правитель. Но дядя твой, Драгослав, в отличие от тебя, не мечтал отречься от правления. Твой отец назначил его княжить в град Борей, на Большую Землю, – Искрен помолчал, задумавшись. – Не волхвовский у нас с тобой разговор сегодня, царевич. – Старик грустно улыбнулся, глядя в насторожённые глаза Веслава. – Никто не говорит об этом, но я нарушу устав и скажу тебе то, что, быть может, говорить и не надобно. Но у меня видение было. Семаргл ко мне являлся.

– Посланник Богов? – удивился юноша, пытливо глядя в глаза своего наставника. Серые, будто затянутое тучами се-

верное небо, грустные, окружённые глубокими морщинами, но по-прежнему ясные. Сжалось у царевича сердце: какое же видение было у старца, раз он так опечален?

– Да, – ответил волхв. – Семаргл предупреждал меня о том, что вернётся твой дядя в столицу и принесёт с собой великую скорбь. – Волхв нахмурился, замолчал. Ему не нравился разговор с юным отроком, не хотелось зря пугать царевича. Но душа подсказывала слугителю Богов – говорить надобно. Именно этот разговор и поможет Веславу в будущем. – Как бы далеко птица ни улетала, она всегда возвращается домой, – закончил Искрен тихо.

– Какой сегодня у нас странный разговор, учитель, – Веслав перевёл взгляд на озеро. – Зачем ты мне это говоришь?

– Чтобы ты всегда помнил, где твой дом, Веслав. И чтобы ты вернулся, когда придёт время возвращаться домой.

Природа купалась в неге тёплого летнего вечера. Вершины леса золотило почти севшее солнце. Высокое чистое небо отражалось в зеркале озера. Вода о чём-то тихо шептала берегу. Спокойствие и умиротворение. И на душе было удивительно легко. Слова наставника казались неверными. В этом мире просто не может произойти ничего дурного, когда Дажьбог так щедро одаривает детей своих. Да и со времён Светлогора сварогины не враждуют друг с другом. Дядя Драгослав – благородный и верный князь, всегда преданно служил Богам и Сваргорее. Он никогда не поднимет меча на своего брата, не пойдёт против воли покойного батюшки и святых

отцов.

Царевич вновь взглянул на Искрена.

— Я тебя не понимаю. — Юноша покачал головой. — Что ты видел, учитель?

Волхв с грустью смотрел на своего ученика. Не все волхвы Великого Свагобора вняли его предостережению. Что же говорить о пятнадцатилетнем юноше, которого слова учителя могли ввести в заблуждение и, чего доброго, сбить с пути. Поэтому старик решился лишь часть послания мальчику поведать, чтобы слова, сейчас непонятные юноше, потом стали его силой.

Сокрушался Искрен, что и сам царь не внял его речам и не подготовил войска. Драгомир со смехом говорил, что его брат, Драгослав, Борей покинул, дабы к лесным волхвам обратиться да здоровье поправить. Какая из него угроза, если он столько лет наследника родить не может?

— Я видел то, чего может ещё и не быть, — наконец ответил Искрен. — Я очень надеюсь, что так оно и будет и что Драгослав с миром на праздник Солнцеворота прибудет.

— Но отец не звал его, — рассеянно проговорил Веслав. — Драгослав не приплывёт с Большой Земли на праздник.

— Да, твой отец никогда не звал его, — словно сам себе пробормотал старик. Искрен считал это самой большой ошибкой царя. Но Драгомир не слушал ни его, ни других служителей Богов. Драгомир был достаточно тщеславен и, как показало время, недальновиден. — Буду молиться Богам, чтобы

мое видение оказалось всего лишь старческим мороком, – устало вздохнул волхв и печально улыбнулся: – А теперь скажи мне, Веслав, как тебе даётся искусство Правосилы?

Царевич смутился, нахмурился. Учитель вёл себя странно и неестественно. Наставник никогда не обсуждал с Веславом мирские дела. Волхв учил Веслава пути духовному, рассказывал, как слушать Богов, проверял его в волхвовской воинской силе – Правосиле. Но сейчас... Юный царевич никогда не видел своего учителя таким опечаленным. Улыбка Искрена не светилась, да и весь старик выглядел согбенным, уставшим, удручённым. Прежде такого не случалось.

– Не печалься попусту. – Волхв будто читал мысли юноши. Искрен улыбнулся и положил свою тёплую сухую ладонь мальчику на плечо. Веслав был так похож на свою мать: те же голубые глаза и золотые волосы. Царевич смотрел на учителя, и в его ещё наивных, детских глазах читался испуг. – Всё, что случается, – продолжил Искрен, – случается по воле Богов. И если Боги допускают что-либо, значит, они хотят нас чему-то научить. И чем больше заплутали люди, тем больше хотят помочь нам Боги.

– Боги так наказывают нас?

– Нет, – волхв тихо рассмеялся. – Боги не наказывают, они учат. Но когда их дети перестают слышать, когда уходят тёмными тропами тщеславия, отходят от Матери-Земли, их уроки порой оказываются достаточно строги.

– И ты думаешь, мы стали забывать Мать-Свагору?

Искрен кротко улыбнулся.

– Пошли, – сказал он, поднимаясь. – Ты сам можешь к ней обратиться.

– Сам? – удивлённо переспросил Веслав. – Я же не волхв! Я могу молиться, но не говорить с Богами!

Искрен, продолжая улыбаться, неспешно побрёл к святилищу, которое находилось по другую сторону большого дуба. Растерянный царевич последовал за ним.

Деревянные капии, выструганные по строгим канонам, стояли на естественном возвышении острова. Копии Сварога и Свагоры были самыми величественными в святилище – Небо-Отец и Мать-Земля располагались в центре, и их окружали другие Боги. Громовержец Перун, борода которого была украшена золотом, а волосы – серебром, находился по правую сторону от Сварога, а рядом со Свагорой-Землёй – Богиня судьбы с веретеном в руках, Макошь. Небо и Земля смотрели на солнцеликого Дажьбога-Хорса, рядом с которым, с одной стороны, располагался седой Стрибог, а с другой – парный капий Ярилы и Яры. Вечно молодые Силы Возрождения и Весны стояли совсем близко друг к другу, почти обнявшись. Оба капия оплёл зелёный, цветущий даже холодной зимой вьюн. Большие розовые и белые цветы источали дивный аромат. Меж Перуном и Стрибогом – мудрый рогатый Велес со свитком в руках, а меж Богами Весны и Макошью – Богини-сёстры ночного света – Дивия и Луна, обручи которых украшали лунные камни. Позади Небесной

Пары ¹² – Тёмная Чета, чёрные Мор и Морана, боги Неяви, судьи душ заблудших. Рядом с ними – Светоч, Дух Ирия златой, и Род с Радой – Боги домашнего очага и покровители детей. Чуть поодаль от Богов, в низине, находился змееголовый капий Полоза, строптивного Бога морей.

Капии, искусно украшенные резьбой, располагались на каменном подиуме в несколько ступеней. Подле каждого Бога – вечно горящая волхвовским огнём огнивица ¹³ и чаша для воздаяний, испещрённая рунами. Такие грандиозные святилища чаще строились в больших городах и княжествах. Все Великие Боги Света присутствовали в таких капищах, поэтому их называли Великобожиями.

Искрен три раза поклонился святому месту и взошёл по ступеням. Веслав последовал его примеру. Учитель и ученик подошли к двум наиболее высоким и монументальным капиям – Сварогу-Небу и Свагоре-Земле. Подле обоих Богов, выструганных из белохвой, редкой северной сосны, иглы, кора и древесина которой белы, как снег, горели голубым, как небо, огнём огнивицы. Чаши со святым Огнём-Сварожичем покоились на высоких плетёных стволах-подставах, растущих из самого камня, которым была выложена земля святилища.

Искрен положил руку на сердце и поклонился Небу-Отцу

¹² Небесная Пара, Небесная Чета – так называли в Сваргорее Небо-Сварога и Землю-Свагору.

¹³ Огнивица – чаша/факел с волхвовским огнём.

и Матери-Земле. Царевич почтил Богов вслед за своим наставником.

– Подойди ближе, – тихо сказал Искрен, и юноша встал перед Свагорой рядом с учителем. Веслав вопросительно посмотрел на старого волхва.

– Ты, Веслав, как и предок твой, Светлогор, силу великую имеешь, – шептал Искрен. – Настолько великую, что даже сам об этом не ведаешь. – Волхв помолчал, давая мальчику обдумать. – Твоя молитва может стать молитвой волхва, а не мирянина.

– А как же тайная ворожба, к которой обращаются волхвы, когда просят ответа у Богов?

Лицо старца озарила добрая улыбка.

– Она тут, – он указал корявым пальцем на свою грудь. – Тут же и подлинное Великобожие сокрыто.

На лице юноши отразилось смятение.

– Поднеси ладони к Огню-Сварожичу, – Искрен мягко направил руки Веслава к огнивице. – Закрой глаза и помолись, будто на сон грядущий.

Царевич видел, как его пальцы обхватило тёплое голубое пламя, тихое и спокойное. Огонь-Сварожич искрился, обнимая кисти рук благодатным спокойствием. Веслав закрыл глаза и с молитвой обратился к Свагоре-Земле.

Рукам – по-прежнему тепло. Внутренний голос тихо, заученными словами обращался к Матери-Земле. Веслав благодарил Свагору за дары, которые она преподнесла своим де-

тям, за жизнь, за плодородные земли, за богатые леса... Царевич видел леса и луга, он чувствовал их свежий аромат, он слышал шум живой воды и ловил брызги солёного моря. Юноша так часто представлял себе далёкие странствия, в которые по воле Богов ему никогда не суждено отправиться, что каждая молитва юного царевича к Свагоре превращалась в волшебное путешествие по бескрайним просторам родной земли. И сейчас воображение рисовало Веславу удивительные земли необъятной Родины вместо того, чтобы искренне, всей душой обращаться к Богине с благодарностью и почтением.

Тихо играла свирель. Её голос струился сквозь молитвенный шёпот, разливался по воображаемым землям, наполняя их жизнью. Игривая музыка танцевала златовласой берегиней у лесного озера, обращалась попрыгуньей-виллой, звенела свежей, летней рекой. Веслав вдохнул полной грудью лесной аромат и открыл глаза. Тихо шумел лес. Высокое дневное солнце пробивалось сквозь плотную, сочную листву, и воздух, дрожа, сиял в тёплых объятиях света. Музыка играла. Волшебная мелодия лилась отовсюду, сливаясь в симфонию пения птиц. Веслав обернулся: чуть поодаль, среди сплетённых ветвей деревьев стояла прекрасная дева. Её волосы цвета спелой пшеницы золотыми колосьями опускались до земли; голову украшал венок из полевых трав, в котором пели птицы. Сарафан был соткан из листьев, бусы – ягоды и цветы – источали дивный, пьянящий аромат. Глубо-

кие зелёные глаза девы смотрели с таким теплом и добротой, что хотелось плакать. Плакать от беспричинного счастья, наполняющего душу, от проникновенного, чуткого, невероятно участливого взгляда Матери. Она улыбнулась, и солнце засияло ярче, а птицы запели радостнее.

Веслав, как заворожённый, смотрел на прекрасную Деву, не в силах отвести взгляд от Её лучистых глаз. Царевичу казалось, будто свет исходит от Неё, а не от солнца. И чем шире становилась Её улыбка, тем ярче светился мир. Её белоснежная кожа сияла, мерцала, горела огнём. Языки пламени обнимали пальцы живительным теплом, от которого на душе становилось спокойно и умиротворённо.

– А ты говорил, что не волхв, – прошептал рядом тихий, с хрипотцой, голос.

Веслав открыл глаза: тёплый огонь в огнивице всё ещё держал его за руки. Искрен смотрел на юношу и улыбался своей вечной улыбкой. Царевич некоторое время молчал, вспоминая видение. Нет, ему всё же не почудилось. Она действительно явилась ему. Юноша улыбнулся и посмотрел на старого наставника.

– Я видел Её, – обратился Веслав к Искрену шёпотом, убирая руки из огня и немного наклоняясь к старцу. Такие вещи нужно было говорить тихо. – Только Она ничего мне не поведала, учитель.

– Одно Её явление говорит о многом, Веслав, – ответил волхв. – Храни Её образ в своём сердце.

Искрен почтил Богов и спустился по ступеням капища. Царевич покинул Великобожие следом. Веслав хотел о многом спросить учителя, но не стал: юноша чувствовал, что старик более не ответит ему. Веслав молча шёл за наставником, и чем дальше они отходили от святого места, тем тяжелее становилось на душе у царевича. Видение Свагоры более не казалось ему таким тёплым и умиротворённым, а даже наоборот: теперь думалось Веславу, что Мать-Земля, одаривая его теплом, будто бы силу впрок давала. Будто бы действительно грядёт печальное время, и лишь видение великой Богини будет опорой в грядущих испытаниях. Юноша тряхнул головой, желая сбросить тяжёлые мысли, и огляделся. Солнце уже село, и святое место погрузилось в тёплые летние сумерки. Искрен ждал его у лодок. Учитель легонько кивнул своему ученику, положил на сердце руку. Веслав сердечно простился в ответ. Белоснежный старик спустился в лодку и взял вёсла. Лодочка медленно заскользила по озеру. Искрилась вода, заворачиваясь маленькими водоворотиками от взмахов весла. И в этих серебряных искрах слышалась та самая древняя, как мир, музыка.

Долго, до тех пор, пока не стали яркими звёзды и не взошли сёстры-луны, сидел царевич у древнего дуба. Впервые ему не хотелось отправляться с другими отроками на тайную ночную прогулку. Веслав знал, что достанется ему за позднее возвращение, ибо молитву он уже пропустил. Но Веслав не мог вернуться в Ведомир в таком смятении. Царевичу хоте-

лось вдоволь надуматься здесь, в Святоборе, и возвратиться в ученическую келью со спокойствием в душе. Но сколько бы юный наследник престола ни размышлял, созерцая засыпающую природу, мира в душе так и не наступало.

Не наступило мира и через неделю, и через три, когда приготовления к празднику Солнцеворота были в самом разгаре. Искрен держался со своим воспитанником немногословно – на все вопросы, которые задавал Веслав по поводу «того самого вечера», как сам для себя называл царевич странный разговор с наставником, старик лишь грустно улыбался. Зато на другие вопросы Искрен отвечал охотно, даже, как иногда казалось юноше, слишком. Будто бы такое внимание Искрена к иным делам, даже мирским, могло отвлечь Веслава. Царевич обратил внимание и на то, что его отец, Драгомир, хоть и не внял словам Искрена, учителя и духовного наставника своего сына, но отдал приказ военачальнику Царской Дружины усилить охрану города во время праздничной недели. Основные силы сосредоточили у ворот Солнцеграда и распределили по стене. Всё это лишь удручало состояние наследника престола, и, когда в последний день перед праздничной неделей, что длилась с девятнадцатого числа месяца червения по двадцать пятое, Веславу нужно было возвращаться в Царский Терем, царевич сделался чернее тучи. Не радовали юношу ни яркие, благоухающие цветы, что украсили каждый дом, ни звонкий смех предвкушавших грандиозные гулянья и игры детей, ни привозимое с Велейных островов

вино, что уже чуть ли не рекой лилось по всей столице, ни тёплое летнее солнце.

Лада тоже вернулась во дворец, правда в странном, но, тем не менее, радостном настроении: этим летом она завершала обучение в Великом Сестринском Свагоборе ¹⁴, а значит, её вот-вот станут считать совершенно взрослой, и ей будет позволено иметь своё мнение, как учёной царевне, а также удалиться к волхвам. Лада давно, ещё в те времена, когда отец провозгласил наследником Веслава, высказала свое решение стать волхвой, чему царь был несказанно рад. Царицу же, напротив, сильно опечалило решение дочери. Решение это было вызвано, скорее, досадой и обидой, нежели искренним стремлением стать служительницей Богов и ворожеей. Но время шло, а обида всё не затухала, и казалось Ладе, что, когда она покинет свою семью и обручится с Вечностью, вместе с ней покинут отчий дом счастье и радость. И это самое мгновение становилось всё ближе и ближе, и предвкушение так долго ожидаемой, по-детски наивной местности радовало её сердце всё больше.

Лада облачилась в простое белое льняное платье, всем своим видом показывая, что этот её визит домой – последний и после завершения обучения она из послушниц сразу перейдёт в волхвы. Держалась отстранённо, слишком гордо,

¹⁴ Свагобор – храм, в котором волхвы проводили богослужения. При Свагоборах проходили обучение волхвы, находились здравницы и больницы. Сестринские Свагоборы – аналоги женских монастырей.

слишком радостно. Немая улыбка застыла на её лице. Веслав отметил, что улыбка эта явно подмечена у умудрённых жизнью ворожеев, и сестра намеренно пытается им соответствовать. Но если улыбка Искрена светилась пониманием, то улыбка царевны была совсем иной, даже надменной. И Веслав понимал почему. С такой улыбкой, в траурном с длинными до пола рукавами, белом платье волхвы, надетом раньше срока, Лада явилась в семью. Её темные, как у отца, волосы были распущены, а голову украшал тканый обруч послушницы Сестринского Свагобора. Венчик и покрывала на голову, как подобало царской дочери, да и всем взрослым девушкам, Лада так и не надела.

Когда вся царская семья собралась за обедом, царица Пересвета хотела было пожурить строптивую дочь, но Драгомир мягко остановил жену. Веслав совсем поник. Родители тщетно пытались выяснить причину его удручённого состояния, но царевич сослался на лёгкий недуг от переутомления в Ведомире. Веслав скоро покинул совместную трапезу и удалился в свои покои.

Расположившись на летней веранде, которая находилась почти под самой крышей, Веслав смотрел, как внизу, во дворе, слуги готовили Царский Терем к началу празднеств. Прислужники и прислужницы украшали двор цветами, ягодами, умащивали благовониями капиц царского святилища, зажигали курильницы, висящие на колоннах. Белые одежды служителей светились в лучах яркого полуденного солнца.

Где-то вдалеке слышалось умиротворённое пение волхвов. Музыка разливалась по чистому летнему воздуху, улетала на крыльях чаек и растворялась в небесной синеве. И почудилось вдруг Веславу, что сквозь небесную твердь он видит благодатный лик Сварога. Небесный отец улыбался ему, а Хорс купал его в своих тёплых лучах. Всё будет хорошо, решил царевич и, наконец, улыбнулся.

Глава 3

Солнцеворот

Солнце клонилось к горизонту, и его золотой лик отражался в море, разбегаясь искрящейся дорожкой. Скоро солнечный диск зависнет у самой кромки воды и останется там на всю ночь. Ночь самых весёлых гуляний, песен и прыжков через костёр.

Посетители небольшой деревянной корчмы, что располагалась среди множества торговых лавок, гостиниц и постоянных дворов, облепивших порт Идру прямо на большом пирсе, шумно и весело гуляли. Шёл третий день празднеств – самый Солнцеворот, Долгий День, когда Хорс не покинет небосвода, и люди будут с радостью чтить великого Дажь-бога.

За большим деревянным, уставленным медовухой столом, расположилась весёлая компания. Моряки, купцы, немного помятые за дни гуляний горожане – все сидели рядом и смеялись над баснями, которые друг другу и травили. Громче всех выступал крепкий мужчина лет тридцати. Суровый пронзительный взгляд серых глаз не мог скрыть даже хмель. Между бровей пролегла глубокая морщина; прямой нос, волевой, даже слишком, подбородок выявляли в нём человека бывалого, с характером. Он был воином, стражником, повидавшим уже многое. Его длинные пепельно-серые волосы

были заплетены в тугую косу, голову украшал кожаный обруч. Массивные руки сжимали деревянную кружку с такой силой, что казалось, та вот-вот треснет.

– Я не был пьян! – пробасил он, стараясь перекрычать гогочущий люд. – Всё взаправду, перед Перуном ответ держу, коли вру!

– Ты слишком много выпил, брат-сварогин, – ответил ему тщедушный кучерявый юноша лет двадцати, – вот и сочинил небылицу. Я даже ворожбы такой не знаю, чтобы в воде мир показывала, не то что дождевая вода открыла тебе видение в чаше.

Собравшиеся засмеялись. Сероволосый мужчина ещё крепче сжал руками кружку. Он теперь жалел, что поделился историей, приключившейся с ним пару лет назад, когда он, как наёмный страж, сопровождал торговый караван одного преуспевающего столичного купца.

– Не настолько, чтобы сказку за правду выдавать, – громыхнул в ответ воин и со всего маху поставил кружку на стол, от чего её содержимое расплескалось. – Я вправду видел всё то, о чём рассказал.

– Не горячись так. – Сидевший по его правую руку старичок мягко положил сухую ладонь на плечо говорившего. – Вот я тебе верю.

Мужчина обернулся на своего соседа, посмотрел, нахмурившись, ему в глаза. Сухонький, маленький, а глаза живые и ясные. Зелёные, как море. Седые совсем волосы перехва-

чены тоненькой бечевой. На плече расположилась маленькая ящерка. Свободная рубаша подпоясана увесистым поясом мореходца. Вот оно как. Моряк.

– Как звать-то тебя? – спросил старик улыбнувшись.

– Витенег, – ответил воин. – А тебя?

– Ставер, – сказал старик. – Много где я бывал, а истории, подобно твоей, не слышал. Но то, что она необычна и диковинна, не делает её невозможной.

– Спасибо за то, что веришь мне, – Витенег кивнул в знак благодарности, положил на сердце правую руку. – Ты первый, кто не посмеялся надо мной.

– Ты, наверное, мало в жизни мореплавателей встречал, – пожал плечами Ставер. – Чем больше в жизни доводится по-видать, тем большее допускаешь возможным.

– Может, и встречал, да вот беседовать особо не доводилось, – Витенег сделал глоток из своей кружки и обвёл взглядом сидевших за столом. Присутствующие уже потеряли к нему всякий интерес, внимательно слушая того тщедушного паренька, который теперь, осмелев от хмеля, во всё горло нёс совершеннейшую околесицу. Мужчина ухмыльнулся сам себе: то, что минуту назад казалось ему таким значительным, теперь, в его же собственных глазах, выглядело забавно. Все эти люди завтра не вспомнят и друг друга, не говоря уже о его истории. А может, и вспомнят, только вот забудут быстро за ненадобностью: всё растает в рутине ежедневных забот. Витенег вновь посмотрел на своего собеседника. Ставер

опустошал свою кружку, а ящерица на его плече внимательно смотрела на Витенег. Невиданное дело.

– Зачем тебе ящерица? – поинтересовался Витенег.

Ставер поставил кружку, посмотрел на Витенег, а затем и на свою зелёную спутницу.

– Она – мой оберег, – сказал старик, с нежностью поглажив рептилию по остренькой головке. – В одном из штормов, когда я ещё был обычным моряком, а не кормщиком, наше судно наскочило на плавающую льдину, и нашу с поморами каюту стало затапливать. Дверь завалило. Я уже готовился предстать перед Мором, как на одной из верхних балок её увидел. Она внимательно на меня смотрела, будто звала. И я подумал, что, раз она как-то сюда попала, значит, есть в стене трещина или щель. Я схватил какую-то палку, не помню что, и стал со всей силой бить в перегородку, на балке которой ящерица сидела. Сейчас мне кажется это нелепым, но тогда я свято уверовал в то, что смогу одолеть дерево. И мне удалось пробить брешь, через которую я и спасся.

– Удивительная история, – покачал головой Витенег.

– Не удивительнее твоей, – воодушевился Ставер. – Чем промышляешь?

– Да ничем, – нахмурился Витенег. – Когда-то был погонщиком ингр, затем служил наёмным стражем у купца. – Он говорил сухо, внимательно разглядывая свою кружку. Медовуха разговорила его против его же воли. – Потом на стене Солнцеграда стражем был. Сейчас вот – никто. Ни гроша в

кармане, ни работы.

– А почему из Почётной Стражи Солнцеграда ушёл? – участливо поинтересовался Ставер.

– Не могу я так долго на одном месте сидеть, – ответил Витенег и сделал глоток. – Два года для меня и так весомый срок. Когда-то мне столица чем-то недостижимым казалась. Волшебным градом с легендарными Вратами. Думал, что люди в ней какие-то другие: возвышенные, что ли, как прашуры. – Тут Витенег усмехнулся собственным словам. – Но, пожив в столице, я понял, что ошибался: Солнцеград – такой же город, как и все, только большой. Те же люди, те же проблемы. А я не могу так жить, как птица в клетке. Хочу, пока тело ещё молодо, мир продолжать смотреть.

– Наймись к нам на судно, – предложил Ставер. – Корабль у нас добротный, команда – хорошая. Голодать не будешь.

Витенег удивлённо взглянул на собеседника. Ящерица перебралась на другое плечо Ставера и вопросительно смотрела на Витенега.

– К тебе на судно? – переспросил воин.

Ставер рассмеялся по-доброму.

– Думаешь, кормщик ¹⁵ не может быть таким старым, и мне пора на покой? – Ставер многозначительно помолчал и, хитро улыбаясь, продолжил: – Поверь, в таких делах главное

¹⁵ Кормчий /кормщик – специалист в навигации, выборе пути, лоцманской проводке, ветрах и течениях, глубинах, местных условиях – морской практике. Капитан отвечал за корабль в целом и руководил боем (он мог и не разбираться в судовождении), а кормщик – за морскую практику.

– опыт. Сколько бурь, штормов и ураганов я повидал – не счесть! Однако же всё ещё жив и полон сил, хвала Сварогу.

– Прости, я не хотел тебя обидеть, – Витенег смутился. – Я бы с радостью пошёл к тебе на корабль, – добавил он с поклоном.

Худенький Ставер вдохновенно улыбнулся, и от его лучистых глаз побежали не менее лучистые морщинки.

– Тогда пошли, – сказал он, допивая и громко ставя кружку на стол. – Я покажу тебе наш парусник, познакомлю с капитаном, он как раз поморов ¹⁶ набирает. – Старый мореход резко поднялся, со скрипом отодвинув стул. Ящерка крепче вцепилась в его плечо. – Да и вообще, здесь уже слишком душно.

Витенег улыбнулся, допил свою медовуху и последовал примеру старшего. Сидящие за столом люди продолжали хотать, и только несколько человек случайно обратили внимание на покидавших застолье мужчин.

Выйти на улицу оказалось приятно. По-вечернему свежий, но всё ещё тёплый воздух пах благовониями, цветами и кострами. Пёстрая толпа гудела, живым потоком лилась по широкому мощному настилу, что держал над водой целый город, в который со временем разросся порт Идра. Город, оплётший почти всё надводное пространство от Береса до Солнцеграда, что монументальной скалой высился на фоне золотого неба.

¹⁶ Помор – так в Сваргорее называли матросов судна.

В шатрах, разбитых по обеим сторонам надводной деревянной дороги, торгоши зычно зазывали прохожих. В больших чашах высоких, с резными столбами, фонарей горел золотой огонь. Ряженные артисты танцевали с жёлтым огнём, устраивая настоящие фейерверки и воздавая почести всемогущему Дажьбогу. Менее смелые факиры показывали фокусы с синим Огнём-Сварожичем, который не мог причинить человеку вреда.

Ставер вёл Витенег по длинным и широким настилам, плавно переходящим один в другой, будто лабиринт; меж лепившихся друг к другу несуразных домишек и харчевен; вёл по мостам и шатким мостикам; вёл ближе к морю, туда, где на воде мерно и вальяжно покачивались корабли. Когда кормщик и бывший страж Солнцеграда выбрались из толпы и пошли по пирсу, вдававшемуся далеко в море, Ставер вдруг остановился и, обернувшись на своего спутника, шёпотом произнес:

– Посмотри, как люди радуются Хорсу! – Он указал рукой на дышащую огненными танцами Идру. В глазах старика светилось счастье. – И как тихо здесь, чуть ближе к морю.

Витенег с недоумением посмотрел на старого мореплавателя: морских странников он представлял иначе. Закалённые в вечной борьбе с силами Полоза, они виделись ему мрачными и сухими. Ставер же был иным и больше походил на волхва, нежели на выдавшего жизнь кормчего морского корабля. Да и ростом старик был ему, воину, лишь по плечо.

И сам мореход вышел какой-то неказистый и неприметный. Ещё эта его ящерица всё время как-то странно, словно с пониманием, смотрела на происходящее. Неужели такие, как Ставер, и вправду плавают на судах, и не сдувает их дыхание Стрибожьего внука ¹⁷ при первом же шторме?

Будто читая мысли Витенег, Ставер улыбнулся, укоризненно глядя на своего спутника.

– Коли позволит тебе Полоз выжить после многих лет морских странствий, тогда и ты научишься видеть счастье. Кто знает, может, наш корабль, отчалив после празднеств, более не вернётся домой?

– У меня нет дома, – покачал головой Витенег, – и никогда не было. Мне не понять тебя, Ставер. Где твой корабль?

Старый мореход немного насмешливо посмотрел на будущего помора.

– Сразу видно, ты никогда не покидал землю по-настоящему. Идём, – Ставер бойко развернулся и зашагал к кораблям.

Витенег следовал за Ставером по пирсам, оплётшим пришвартованные суда, словно паутина. Витенег отметил, насколько быстро и ловко вёл его Ставер среди леса мачт, судов и деревянных строений неясного ему назначения.

Тихо покачивались пришвартованные лодочки; маленькие, одномачтовые, кораблики; корабли больше и совсем громадные, с тремя мачтами, бушпритами и резными носо-

¹⁷ Внук Стрибога – ветер.

выми фигурами, суда ¹⁸. Но корабли, несмотря на свои внешние различия, человеку, проведшему большую часть жизни на Большой Земле, казались похожими. Витенег так и не смог запомнить, между какими судами они шли, и, если бы ему пришлось добираться сюда самостоятельно, вряд ли бы нашёл дорогу.

Звуки гуляющего города остались далеко. Зато теперь были ярко, даже резко, слышны скрипучие крики чаек. Хлюпала, плескаясь, вода. Воздух пах солёным морем и был полетнему приторным.

– Вот мы и пришли. Мой верный корабль – «Верилад», – Ставер остановился подле борта поистине громадного трёхмачтового судна, пришвартованного у крайнего пирса. За кораблём золотое море сливалось с золотым небом.

Выполненный из золотистого дерева, грандиозный трёхпалубный корабль завершался длинным бушпритом. Нос судна украшал коловрат – его деревянные лучи расходились по корпусу парусника. Транцевая корма богато отделана искусной резьбой: будто живые переплетались водоросли, причудливым узором украшая корабль. Если приглядеться, то среди этих узоров можно было заметить морских дев, плывущих рыб и даже грозный лик Морского Царя. Какое же должно быть зрелище, когда «Верилад» расправит паруса и

¹⁸ Бушприт – горизонтальное или наклонное рангоутное дерево, выступающее вперед с носа корабля и служащее для выноса штагов и галсовых углов кливеров – наклонных мачт на носу судна.

полетит, рассекая волны, на полном ходу, подумал Витенег, но своего восхищения так и не выразил. В его могучей голове никак не укладывалось, как стоящий подле него маленький человек мог быть кормщиком такого корабля. Корабль – вот настоящее, дарующее полную свободу сокровище. И оно намного лучше золота, лучше каравана с шелками, и, тем более, намного лучше стада ингр с их белоснежными бивнями.

Ставер, будто почувствовав настроение Витенега, хитро улыбнулся. Он видел, что берёт на борт помора по призыванию, а такой человек стоит целой команды наёмных моряков.

– Команда чествует Дажьбога-Хорса на корабле, – гордо проговорил Ставер.

– Неужели люди не отправились на берег? – продолжая восхищённо рассматривать «Верилад», удивился Витенег.

– Среди нас есть те, кто никогда не покидает судно. Эти поморы – душа корабля.

– У твоего корабля есть кочеды? – восхищению и удивлению Витенега не было предела. Он слышал о легендарных, почти живых кораблях, служащих самому батюшке-царю, обладающих своим, корабельным волхвом, и до смерти преданными судну поморами, давшими обет не ступать на землю – морскими кочедями. Слышал, знал, но не верил. Как можно добровольно заточить себя, пусть даже и на корабле?

Ставер молча кивнул и поднялся по спущенной сходне ¹⁹

¹⁹ Сходня – нестационарная судовая лестница.

на борт.

Разговор Веслава и Искрена

Крушение Солнцеграда

Палуба «Верилада» была, в отличие от измазанных птичьим помётом пирсов, вымыта, и дерево блестело на вечернем солнце. Ставер повёл Витенег в сторону полубака²⁰. На палубе, прислонившись спиной к грот-мачте²¹, неподвижно сидели двое поморов. В белых рубахах, перетянутых широкими алыми поясами, они сидели с закрытыми глазами, положив свои массивные руки на колени. Когда кормчий поравнялся с кочедрами, они, не поднимаясь и не открывая глаз, приветствовали Ставера лёгким наклоном головы, но в этом наклоне чувствовалось самое настоящее уважение. Ставер ответил им тем же, чем ещё больше удивил Витенегу.

– Они сейчас разговаривают с «Вериладом», – шёпотом обратился Ставер к Витенегу, – рассказывают кораблю о празднике. Не будем им мешать. Тебя потом представлю им, ночью, когда Хорса чествовать все вместе будем.

Витенег хотел было возразить Ставеру, что, быть может, он в город к ночи вернётся, но не стал. Откуда знал старый кормчий, что в глубине души Витенег хотел остаться на корабле?

Витенег и Ставер поднялись на полубак. У борта, повернувшись лицом к Солнцеграду, стоял высокий человек в белом платье волхва. Его чёрные, с проседью, перехваченные

²⁰ Палуба полубака – надстройка над верхней палубой в носовой части корабля.

²¹ Грот-мачта – вторая мачта, считая от носа судна.

медным обручем волосы развевал ветер.

– Приветствую тебя, помор по призванию, и тебя, дорогой моему сердцу кормчий, – мягко проговорил черноволосый волхв, продолжая смотреть на раскинувшийся пейзаж.

Пейзаж действительно великолепен, подумал Витенег. Сквозь паутину мачт и сизого дыма праздничных огней сверкали многочисленные огни Идры. Дальние, бывшие у самых стен Солнцеграда, строения надводного города-порта растворялись в тумане. Сама столица вырастала из призрачного марева огня и дыма грандиозным монументом, скалой с изящными очертаниями теремов и Свагоборов. Силуэты гигантских мостов, связывающих между собой стольные острова, дрожали в вечернем воздухе. В небе парили чайки и альбатросы.

– Гой еси, волхв Мирин. – Кормчий поприветствовал стоявшего человека лёгким кивком головы. Волхв обернулся. Мирин, хоть был и намного старше Витенега, но так же крепко сложен. Чёрные волосы волхва лишь немного тронула седина, карие глаза смотрели зорко – начинающий стареть царственный красавец. На мощной груди покоилось множество оберегов.

– Волхв? – переспросил Витенег. Его взгляды на естественное положение вещей, в котором кормчий судна должен быть сильным моряком, а волхв – дряхлым стариком, рушились.

Мирин, переглянувшись со Ставером, кивнул.

– Волхв, которого спас корабль. – Голос Мирина оказался на удивление сильным.

– Тебя спас корабль, а не люди на нём? – недоверчиво переспросил Витенег.

– Корабль спас и их, – пространно ответил Мирин. Он помолчал, внимательно вглядываясь в лицо Витенег. От взгляда глубоких карих глаз Витенегу стало не по себе. – Корабль спасет и тебя, – наконец заключил волхв.

Происходящее было всё больше не по душе Витенегу. Он произвольно отошел к фок-мачте ²². Этот волхв, Мирин, и его кормчий, Ставер, казались бывшему стражнику ненастоящими. Уж больно просто Ставер предложил Витенегу работу, и уж больно богатым, по-царски богатым, оказалось его судно. Витенег хотел было уйти и оставить затею стать помором, но ноги будто приросли к палубе, а спина – к мачте. Хотел заговорить – не вышло. Тело сковал ледяной страх. Не в силах пошевелиться, Витенег наблюдал, как покидают палубу высокий мужчина и сухой старик с ящерицей на плече. Что-то в их движениях было такое, что нельзя описать словами. Двигались они будто во сне: парили, а не ступали по палубе. Что это? Морок? Медовуха? Кто эти двое? Витенег попробовал двинуться, чтобы посмотреть на тех кочед, что сидели у грот-мачты, но не вышло. Тело не слушалось его.

Страх сменился ужасом: такую ворожбу Витенег никогда не встречал. Он вновь попробовал освободиться, но у него

²² Фок-мачта – первая мачта, считая от носа суда (располагается на полубаке).

вновь ничего не получилось. Он бежал, оставаясь на месте. Витенег кричал. Без голоса, не открывая уст. Он звал Богов, но Боги не слышали. Сковавший тело ужас превратился в панику, паника – в злость, которая сменилась, наконец, безразличием. Витенег потерял счёт времени: мужчина не знал, сколько он простоял прикованным к кораблю. Вот так, наверное, и становятся кочедями, думал бывший страж. Сначала приковывают к кораблю тело, потом – дух. Вместе с духом отдаётся судну воля. И такой человек действительно становится душой корабля. Наверное, душа корабля соткана из множества повязанных странной ворожбой человеческих душ. Ох, хитер оказался этот Ставер. Сам-то он, интересно, кто? Точно уж не кормчий. Надо было сразу распознать подвох, ещё в пивной, что морской волк не может быть таким щедрым и добрым. На суда просто так не попадают, поморов готовят не один год. А он поверил ему, поверил, как неразумное дитя.

Понутив голову в размышления, Витенег не заметил, как настала долгожданная ясная ночь. Сварогина вывело из задумчивости странное движение половиц. Витенег смотрел под ноги и видел, как наклоняется пол. Сначала это было даже забавно. Поверхность палубы то и дело меняла своё положение, как огромные детские качели. Но вдруг мужчина почувствовал, что происходит нечто ещё более ужасное, чем его пленение. С трудом подняв взгляд, Витенег замер. Море дыбилось, надувалось, пенилось под накалом сильного вет-

ра. Огни Идры неистово плясали, пламя вздымалось от ветра, разгоралось и переходило с одного строения на другое. Пожар. Огонь охватывал Идру – порт горел, а внук Стрибога отчаянно пытался разнести по миру облака дыма. «Верилад» более не был пришвартован к пирсу. Корабль несло в открытое, взбесившееся море. Если бы мужчина мог двигаться, им овладела бы паника. Но Витенег был обездвижен, нем и совершенно один. Он мог лишь наблюдать за развернувшимся действием.

Вода то и дело окатывала с ног до головы: только огромные размеры корабля не давали ему захлебнуться в море. Море шипело, будто ядовитая змея, ветер свистел и выл. Но небо... Небо оставалось предательски чистым. Две луны, алая и серебристая, будто два божественных глаза, безучастно взирали на происходящее. Вместе с ними наблюдало и солнце. Что же Боги себе позволяют?

Когда накал стихии достиг своего апогея, вдалеке, среди волн, мелькнуло нечто. Нечто, что отозвалось в глубине души подлинным страхом. Нечто такое, что смертным видеть нельзя. Витенег чувствовал пронзающий, ледяной, животный ужас, но, будто наперекор ему, продолжал вглядываться в пучину. Сварогин даже подумал, что быть прикованным к полу и мачте корабля в такую минуту очень хорошо и безопасно. Неужели его пленили для того, чтобы он выжил? Ведь судя по тому, какой огонь охватил Идру, выживших в этом пожарище мало.

Мужчина всматривался в бурлящую воду, стараясь разглядеть хоть что-то сквозь облепившую лицо паутину мокрых волос. Сначала показался плавник. Морской хищник? Крупный. Даже очень. Показался ещё плавник, острый, будто лезвие ножа и такой же блестящий. За ним – ещё и ещё. Стая? Слишком ровно друг за другом плывут. Огромная волна на мгновение скрыла торчащие плавники. Когда же волна спала, то обнажила вытянутый глянцевый камень, верх которого был украшен заострёнными, чуть покачивающимися плавниками-пластинами. Станный камень то исчезал, то появлялся вновь, двигаясь по направлению к Солнцеграду. Такое Витенег видел впервые.

Когда нечто почти достигло пылающей Идры, оно совсем ушло под воду. Разыгравшийся шторм мешал смотреть, но Витенег старался изо всех сил. Он видел, как тонут пришвартованные суда, ведомые на дно таинственной силой; видел, как словно щепки разлетаются деревянные постройки и пирсы, которые ещё не тронуло пламя. Сквозь шум стихии, казалось, слышал полные ужаса и боли крики людей. Витенег видел, как вздымался среди огней и волн тот самый, похожий на хребет, камень... Нет, не камень. Теперь Витенег был уверен в том, что это нечто живое, и оно обладает ужасной силой.

Витенег видел огни на высоких стенах Солнцеграда: сварогины в спешке собирали силы. Витенег знал, что сейчас люди бегут наверх, на башни, подгоняемые страхом и ужа-

сом. Он слышал звон их кольчуг. Топот их ног. Их возбуждённые крики. Он слышал скрип гигантских шестерней вóротов²³, закрывающих Врата. Витенегу чудилось, будто он видит панику тех несчастных, что пытались убежать с горящей Идры, и перед чьим лицом закрылись Врата. Пленнику корабля казалось, будто он слышит их срывающиеся на хриплый визг истощённые крики, слышит гулкое эхо Врат от бессмысленных ударов пытающихся спастись людей. Витенег будто воочию видел, как они умирали: в мучениях, горя заживо или тоня в безудержной, пульсирующей воде...

Витенег видел, как бушующее море изогнуло спину, будто кошка, подхватило на своём стальном, уродливом гребне последние останки мертвого порта и швырнуло на каменную пристань, под взгляды Соколов-Рарогов.

Когда от Идры ничего не осталось, море затихло. Тишина сделалась неестественной, невыносимой: казалось, даже вода бьётся о корабль бесшумно. Ярко и сочно горели плывущие осколки только что благоухающего жизнью города. Морской воздух пах пожаром и горевшей плотью. По-прежнему светило солнце. И луны по-прежнему смотрели вниз.

Послышался низкий, утробный гул. Корабль стал заваливаться. Если бы не ворожба, Витенег свалился бы в море. Полными отчаяния глазами он видел, как небывалых размеров волна, в белых пульсирующих венах, пузырясь, покатила к городу. Волна была настолько высокой, что на ка-

²³ Вóрот – механизм открытия вóрót, совершающий при работе полный оборот

кое-то время скрыла от взора Солнцеград. Земля будто перевернулась. Где-то в глубине сознания промелькнула мысль о том, что корабль тоже бережёт сила ворожбы чёрноволосого волхва. Иначе как же ещё судно держится на почти вертикальной стене воды? Нет, ворожба, скорее, старика. Мирин слишком красив для волхва. Силён слишком. Слишком царственен. Порой странные мысли рождаются от страха. Чтобы не обдумывать весь творящийся вокруг ужас, мысль сосредотачивается на чём-то простом и не относящемся к переживаемым событиям.

Из невольного забытья Витенег вывел резкий полет вниз: корабль падал в море, а волна катилась дальше, набирая свою мощь, чтобы обрушиться на неприступные стены столицы. Сварогин смотрел на это словно со стороны, подобно солнцу и лунам. Страх покинул его, уступив место сумасшедшему, бесстрастному интересу к разворачивающемуся перед взором действу.

Витенег видел себя, прикованного к мачте невозможным образом. Видел, как благополучно осел «Верилад» на воду, совершив невероятный прыжок. Видел невозможных размеров, выше Солнцеграда, волну. Всё происходящее было невозможным, но он это видел.

Волна, собрав на своём пути то, что осталось от Идры, яростно обрушилась на Солнцеград, укрыв своим телом город. Истошный, нечеловеческий, леденящий душу рёв пронзил пространство. Его клокочущие, перекатывающиеся зву-

ки были настолько низки и утробны, что, вибрируя, отзывались в грудной клетке.

Когда вода водопадами, с грохотом унося за собой части городской стены и монументальных зданий, опала в море, на стене, держась мощными лапами, сидел он. Чешуйчатый, чёрный, блестящий, с бугрящимися мышцами. Три головы украшены костяными коронами. Хребет, составленный из острых глянцевых пластин, переходил в длинный, увенчанный колючими плавниками хвост. Этот хвост двигался с удивительной для таких размеров скоростью, выбивая из воды фонтаны брызг. Между лапами и туловом натянуты жилистые перепонки, напоминающие крылья летучих мышей. Ящер подтянулся на верхних конечностях, от чего часть стены под ним рухнула, но трёхглавый удержался. Он с невероятной проворностью запрыгнул на разваливающуюся под его весом стену.

Тут же последовали яркие вспышки – кто-то ещё пытался стрелять огненными стрелами. Удивительно. Разъярённый зверь взревел и перебрался за стену, вызвав облако дыма и новые обрушения. Вспышки прекратились: стрелять, по-видимому, стало некому. Некоторое время был виден конец чёрного хвоста, виляющего за стеной, будто огромный поплавок. Затем слышался грохот рушащихся зданий и рёв ящера. Из бреши в стене водопадом текла вода.

Витенег упал на колени. Мысли путались, отчаянно пытаюсь ухватиться за то, что было нетронуто творящимся безу-

мием. Витенег увидел свои руки. Он смотрел на них, как на своё спасение: на узоры ладоней, на их плавные линии, и казалось ему, будто видит их впервые. Вот тут узор похож на маленькую снежинку, а тут – словно блики воды на морском дне, здесь сплёл свою ловушку паук. Есть же люди, которые в паутине морщинок кожи видят пряжу Макоши. Было бы интересно с кем-нибудь из таких пообщаться: записано ли всё произошедшее и на его судьбе?

– Не знаешь, где спасение найти? – спросил женский голос.

Витенег нехотя оторвал взгляд от своих ладоней. Ему чудилось, что если перестанет на них смотреть, то и с ними обязательно что-нибудь случится.

Перед сварогином, облокотившись на мокрый борт корабля, стояла дева неземной красоты. Длинные русые, с золотыми прядями, волосы, голубые, как небо, глаза. Зелёный шёлковый сарафан перехватывал серебряный пояс. На груди лежал мощный серебряный ворот, украшенный пустыми лунницами. И ни одного оберега. Красавица улыбалась. У Витенега даже не было сил спросить, кто она.

– Ты ещё хочешь быть моим помором? – спросила дева сиплым голосом старика. Это слишком. Витенег вновь перевёл взгляд на свои ладони и закрыл руками лицо, чтобы она не видела его мук. Витенег слышал много легенд о волхвах, которые могут принимать образы зверей или других людей, но это были лишь детские сказки. В корчме не поверили

даже рассказу о заговорённой воде, в которой он видел пожар. Знакомая, родная, привычная всем волхвовская ворожба была похожа, скорее, на внутреннюю силу, чем на сказочное колдовство.

– Вы даже забыли о настоящей волхвовской силе, – снова заговорила дева, но уже своим, мягким голосом, – забыли о Морском Царе, трёхглавом Горыче. Мне было бы интересно посмотреть на то, как изумился бы твой предок, коли сейчас увидел бы тебя, сломленного одним лишь видом Ящера и подлинной ворожбой.

– Этого не может быть, – шептал Витенег, продолжая закрывать лицо руками, – это сон, сон, сон...

Дева рассмеялась. Неужели они все так слабы духом?

– Как он? – услышал Витенег голос Мирина.

– Увиденное его сломало.

Витенег, не отрывая ладоней от лица, слышал, как двое покинули палубу. Когда шаги стихли, сварогин опустил руки. На ватных ногах поднялся.

Корабль плыл к разрушенному, окутанному дымом и смертью Солнцеграду. Плыл без ветра, со спущенными парусами по гладкому как зеркало морю. Плыл в окружении других, невесть откуда взявшихся кораблей. Целую армаду вёл за собой «Верилад». Все суда, словно на подбор, были сделаны из необычного, серебристого дерева, с тремя мачтами, чешуйчатыми огненными парусами, отблескивающими золотом в свете солнца. Когда и, главное, откуда появилось

это несметное войско?

Корабли окружили город, закрыв все возможные для побега пути. Но было ли кому бежать? Успели ли жители понять, что произошло? Выжил ли в бедствии хоть кто-то? За что прогневались Боги? Витенег чувствовал, как меркнет здравый ум.

Когда «Верилад» подошёл к столице, Витенег заметил, что Врата остались целы. Стена, мощное и грозное укрепление, башни были разрушены. Рароги грудой камней лежали на покалеченной пристани, и их каменные глаза смотрели в небо. Но Краколист по-прежнему цвёл. Его алмазы всё так же сияли в свете ночного солнца. И подумалось Витенегу, что они будут сиять вечно. Придёт новый век, новые Боги, но, как и звёзды на небе, так и звёзды на этих Вратах будут светить живущим своим холодным светом. Есть в мире вещи, которые не подвластны судьбе и не зависят от бега времени. И это почему-то вселяет надежду.

Глава 4

Душа корабля

Было раннее весеннее утро. Волны лениво накатывались на каменный берег. Солоноватый запах моря, смешиваясь с сосновым ароматом, пьянил весенней свежестью и чистотой. Холодный утренний бриз доносил резкие крики чаек. Высокое безоблачное небо розовело на востоке, предвещая скорый восход.

Он сидел на берегу и смотрел на море. Он любил застывшее утреннее время с детства. Ему казалось, что в эти предрассветные часы, когда сон ещё не совсем покинул тело, и мысли вязкие, как патока, из мира Богов приходят самые верные ответы. Став старше, он думал, что верные решения приходят ранним вечером, когда голова, закалённая дневными думами и ещё не отягощённая усталостью, становится ясной. Но сейчас... Спустя много лет он сомневался, что верные решения вообще существуют.

Он размышлял, глядя на море не оттого, что искал ответа в утреннем часу, а оттого, что не мог уснуть. С тех пор как он вернулся из тайги и услышал Слово, сон оставил его. Вместе со сном покинула его и воля. Он чувствовал, как дух слабеет под натиском волхвовской ворожбы, как мысли путаются, подобно мошкам в паутине. Собственные помыслы стали неясны и темны. Его мучили странные видения, в ко-

торых он – и не он вовсе, а древний, сильный волхв. Видения сливались с жизнью, приходили во снах, путали.

Драгослав смотрел, как поднимается солнце. На востоке из-за моря показался его краешек, медный, с красным кантом, и погасли последние звёзды. По воде побежала искрящаяся дорожка. Небо засияло алым у самого горизонта, и этот свет, превращаясь в золото, к самой вершине небосвода делался фиолетово-голубым. Князь смотрел, как Хорс, круглея, всё больше выглядывает из-за моря, наполняя мир благодатным теплом.

– Ты не спишь совсем, – то ли вопросительно, то ли утвердительно прошептали за спиной. Она теперь тоже смотрела на восход, и Драгославу это не нравилось. Её присутствие разрушало священность весеннего утра. По шуршанию Драгослав понял, что она расположилась рядом. Агния наверняка чувствовала его настроение, но не обращала на него внимания.

– Ты обращалась к Полозу три дня назад, – не оборачиваясь, проговорил Драгослав. Ожидание неизбежного становилось всё невыносимее. – Думается мне, что твоё Слово лишь меня заворожило.

Она тихонько усмехнулась:

– Такая ворожба скоро не делается.

Долго молчал Драгослав и, наконец, сказал:

– Я не задумывался о том, что всё это может стать явью. И меня эта явь пугает.

– А меня – печалит. Это твоё желание было единственно возможной для меня дорогой обратно в Свет. – В голосе Агнии послышалась такая искренняя грусть, что Драгослав посмотрел на неё. Ящерица была печальна и смотрела куда-то вдаль. Агния так и не сказала, за что и почему несёт тяжёлое наказание.

За три дня князь более-менее привык к странному обществу ящерицы-волхвы. В первый же вечер Агния взяла князя в ученики и передала Слово для волхвования Огня. На удивление, у Драгослава получилось развести костёр без помощи огнива. Затем Агния обратилась к лесу, и молодая зайчиха сама вышла к ним. Только нельзя волхвовать больше, чем тебе надобно, сказала ящерица Драгославу, когда он принялся за ужин.

На второй день Агния познакомила Драгослава с мавками. Зелёные, будто сотканные из хвои, с жёлтыми глазами, сущности, обратившись по воле её Слова в волколаков, понесли князя и волхву, сидящую у него на плече, через непроходимый лес. Агния говорила, что людям мавки являются в образе прекрасных дев и сбивают с пути.

Скорость лесного полёта была головокружительной. Едва касаясь земли еловыми лапами, новообращённые волки бесшумно несли всадников. К вечеру они вернулись к берегу, и мавки тут же приняли свой обычный диковатый вид неясной кучи веток.

На третий день Драгослав почувствовал себя немного спо-

койнее. Сон к нему ещё не вернулся, но чудеса уже казались не такими пугающими, а томительное ожидание становилось легче во время рассказов волхвы о силе Бога-мудреца Веле-са.

Агния многое поведала князю: о могуществе пращуров, о том, какие были волхвы Эры Долгой Весны, какая сила сохранилась у них в начале эры Перуна, и о том, что, скорее всего, многое забыли сварогины сейчас. Но, когда Драгослав спросил волхву об её пленении, Агния замолчала и более в тот день не говорила.

Сейчас она вместе с ним встречала утро, но была неестественно печальна.

– Я слышу твой корабль. Он скоро будет, – тихо проговорила ящерица.

Корабль появился на горизонте, когда солнце полностью встало. По небу гуляли пушистые облака. Дул прохладный весенний ветер.

Парусник подходил величественный, трёхмачтовый, с раздувающимися парусами. Но чем ближе подплывало судно, тем отчётливее проявлялась его истинная природа. Белые паруса, издали казавшиеся вполне обычными, по мере приближения всё более походили на дым. Они, будто призраки, волновались на ветру, струились вдоль мачт и по такелажу, то набирая силу, то растворяясь в воздухе. Само судно было из чёрного, почти полностью истлевшего дерева, облепленное вековыми наростами; с реев свисали длинные во-

доросли. Драгославу стало нехорошо. Теперь волки-мавки виделись ему не такими уж страшными созданиями.

Корабль встал на якорь в саженях ста от берега, и дымчатые паруса исчезли. Ветер принёс прогоркло-солёный запах морской тины. Драгослав видел, как с корабля спускают шлюпку. Вернее, шлюпка спускалась сама. Поморов на судне не было.

– Вот и корабль, – игриво сказала Агния, и Драгослав вздрогнул.

– Мёртвый корабль? – тихо переспросил князь.

– Не совсем, – ответила ящерица. – Те, кто попал в царство Мора или Ирий, уже не возвращаются.

К берегу причалила пустая лодка. Агния сказала, чтобы Драгослав не боялся и смело садился в лодку. Драгослав нехотя, но послушался. Аккуратно посадил ящерицу себе на плечо и сел в дряхлую посудину. Агния тут же сбежала на борт лодчонки, и та приняла вид только что выструганной лодки. Золотистое дерево чуть блестело на солнце. Борту украшал морской орнамент.

Драгослав уже не стал удивляться, когда лодка сама поплыла к кораблю. Князь подумал лишь о том, каким же удивительным был мир тогда, когда среди сварогинов жили Боги. Какой же силой обладали волхвы, какие чудеса, нынче забытые, творили пращуры.

Когда шлюпка подошла к кораблю, ветер непостижимым образом стих, и вода превратилась в гладкое зеркало. К за-

паху тины добавился сладковатый дух гниения. Влажное дерево корпуса судна неприятно блестело, из многочисленных пробоин свисали высохшие на солнце водоросли. Невидимые поморы спустили трухлявую сходню и бечевы, чтобы Драгослав закрепил шлюпку. Князь ждал, что когда волхва взбежит по сходне, то и лестница, и корабль тут же станут как новые. Но чуда не произошло. Не произошло его и тогда, когда Драгослав с Агнией поднялись на борт.

Палуба была пуста. Прогнивший пол украшали зияющие дыры, из которых тянуло зловонием. Драгослав, невольно ухватившись за липкий борт корабля, не мог сделать и шагу. Он смотрел, как Агния юрко побежала по палубе. Ящерка поднялась на полуют, остановилась и развернулась так, чтобы всё судно было перед её взором. Царевич боялся оторвать взгляд от маленького зелёного тельца. Драгославу казалось, что если он потеряет ящерку из виду, то сойдёт с ума. Волхва застыла на четырёх лапках и зашептала. Несмотря на то, что Агния была далеко от князя, он слышал её голос так, будто она шептала ему на ухо. Только слов Драгослав не понимал: он никогда прежде не слышал такого шелестящего, словно осенняя листва, наречия.

Шелест продолжал гулять по кораблю, даже когда волхва замолкла. Слова, отражаясь от бортов и такелажа, становились осязаемыми. Воздух вокруг них дрожал и вибрировал, как марево вокруг костра. И в этом дрожании рождались неясные фигуры. Тут вспомнилось Драгославу его ви-

дение, насланное Агнией при встрече. Как от её шёпота он то чувствовал себя в воде, то видел призраков. Какова же сила Слова этого существа? И кто она, его маленькая помощница? И вдруг Драгослав ощутил странное, непонятное чувство: ему показалось, будто он знал Агнию и раньше, когда-то давным-давно. Он не помнил откуда. Только чудилось князю, что этот морок, что он видел в лесном тереме, что видит он здесь, до боли ему знаком. Он понял Слово Агнии три дня назад, на берегу, и почти понял его сейчас. Неужели он и вправду – древний волхв? Тогда поступок отца, который, видимо, чувствовал натуру сына, становится ясен: Градимир не хотел передавать правление тому, кто имеет столь древнюю и тёмную душу. И в это мгновение Драгослав понял, что его покойный батюшка был прав. Градимир знал, что, то сильное, таящееся в глубине сыновней натуры нечто, рано или поздно возьмёт над ним верх.

Фигуры постепенно обретали человеческие очертания, становясь осязаемое, телесное, пока не сделались людьми из плоти и крови. На палубе стояла дюжина помор. Крепкие, сильные, молодые. Все в белых подпоясанных рубахах, в широких, убранных в онучи, штанах. На ногах красовались кожаные сапоги. Молодые люди взялись за руки и, запев, медленно двинулись по кругу. От их шагов дерево на палубе задышало: светясь солнечной охрой, срастались дыры и бреши, водоросли и ракушки рассыпались в прах и пылью улетали в небо. В центре хоровода появился из воздуха тщедушный

старичок, сухонький и маленький. По кораблю пробежала дрожь, и почудилось Драгославу, что судно, пробудившись от многовекового сна, вздохнуло. Оно слишком долго ждало этого часа.

Могучий корабль купался в солнечных лучах: медового цвета благородное дерево будто светилось изнутри, три высокие мачты гордо устремились ввысь, белоснежные паруса раздувал ветер. От увиденного у Драгослава перехватило дыхание. Корабль был поистине королевским.

Поморы поклонились Агнии, затем и Драгославу. Князь посмотрел на волхву и ахнул: на палубе стояла прекрасная дева в зелёном сарафане и улыбалась. Он невольно улыбнулся в ответ. Агния поманила Драгослава рукой. Когда он поднялся к ней, один помор, молодой человек с кучерявыми волосами, вышел немного вперёд и, еще раз поклонившись Агнии и Драгославу, проговорил:

– Корабль «Верилад» и его команда благодарит вас за спасение нашей общей Души. Мы будем служить вам вечно.

– Я с благодарностью принимаю ваше служение, – отозвалась Агния и многозначительно посмотрела на Драгослава. Князь понял, что должен повторить сказанное волхвой, и принял клятву корабля.

Поморы поклонились, и кучерявый юноша заговорил вновь:

– Меня зовут Витигост, я капитан «Вериллада», – сказал он, положив руку на сердце. – Кормщик-волхв Ставер, –

представил Витигост подошедшего к нему тоненького старичка. – Команда и Душа Корабля, – капитан обернулся к поморам и, вновь посмотрев на Агнию и Драгослава, спросил: – Какой курс брать «Верилладу»?

– Плыдем на Солнцеград, – ответил Драгослав.

Поморы поклонились и принялись за дело.

Агния, взяв Драгослава за руку, прошептала:

– Я не могу быть человеком только на земле. Пока не могу.

Но на воде, как и в своем тереме, я могу быть прекрасной девой.

Драгослав внимательно посмотрел в глубокие, как небо, печальные глаза. Странное нахлынуло чувство: он и страшился её, и жалел. Тайна волхвы отчего-то виделась князю бесконечно грустной и несправедливой. Драгославу казалось, что если ему удастся разговорить Агнию, то он сможет ей помочь.

– Что же случилось с тобой? – наконец решился спросить князь.

Агния нахмурилась, отпустила Драгослава и спустилась в трюм. Князь не стал следовать за ней. Он встал у борта корабля, глубоко вдохнул и закрыл глаза. От обуявших неясных чувств мутился разум. Думать о происходящем было жутко. От одной мысли, где и с кем он находится, хотелось прыгнуть за борт. Но Драгослав знал, что никогда не сможет решиться на такое. Даже самые страшные угрозы не смогли победить его страх перед смертью. Он ненавидел себя за

трусость и слабость. Он вверил собственную судьбу в руки неведомого существа, к которому стал питать странное сочувствие, хотя должен был бояться его.

Призыв кораблей

Драгослав не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он покинул Борей. Князь не передал Горице ни одной весточки. И он вспомнил о своей жене только сейчас. Хуже было только то, что он не испытывал никаких чувств по этому поводу. Почему? Ведь он так любил Горицу. А сейчас душа пуста. Неужели Слово, сказанное Агнией, имеет такую силу? Драгослав не хотел спрашивать об этом волхву. Услышать ответ было страшно. Князь надеялся, что со временем страдания пройдут, и он привыкнет к своей новой, непонятной жизни, которая теперь связана клятвой с прислужницей самого строптивого и коварного из Богов – Полоза.

Но со временем терзания не проходили. Тяжелые мысли и угрызения совести стали спутниками Драгослава. Хотя князю иногда удавалось их отогнать. Драгослав общался с кочедями «Верилада», и морок отступал за их интересными речами. Витигост, капитан «Верилада», ещё при жизни принёс священную клятву судну. Витигост рассказал Драгославу, что в те времена, когда «Верилад» только спустили на воду, а было это около пятисот лет назад, поморы часто становились кочедями своего корабля. Клятва, данная судну и Богу морей Полозу, считалась даром настоящей свободы, ведь принесший её муж более не подчинялся законам сухопутов, как кочеды называли между собой весь остальной мир. Драгослав слушал призрака внимательно, но спорить о природе

свободы не решался. С обычным человеком князь вступил бы в спор даже с удовольствием, но с только что воскресшим... кем? Драгослав не назвал бы воскресших навьями ²⁴. Тенями – и подавно: молодые люди были живыми. Неужели у кочед есть свой собственный Ирий, где их души на своих небесных кораблях отправляются в Иное? Но как же тогда их можно вернуть? Князь никак не мог определить, как ему относиться к поморам «Верилада». Спрашивать у Агнии ему вновь не хотелось. Драгослав был уверен в том, что и эта правда окажется по меньшей мере неприятной.

Убранство «Верилада» было богатым. Во времена, пока корабль не отправили в град Велей в качестве приданого выдаваемой за князя Велейных островов царевны (в этом плавлении «Верилад» и разбился, так и не доплыв до пункта назначения), на нём совершал свои плаванья сам царь Сваргореи. Каюты у судна были отдельными – большая редкость даже в настоящее время. Драгослав не скрывал своего восхищения кораблём. Несмотря на то, что князь был родным братом царя, таких жемчужин у флота Борея не было. Драгослав заметил, что кочеды чувствовали его настроение: поморы при встрече искренне ему улыбались.

Агния же, напротив, предостерегла Драгослава, чтобы он не сильно верил душе корабля. Ведь через кочед с ним го-

²⁴ Навь/навьи – души тех, кто при смерти не слышал Песнь Птиц. Чаще всего навьями становились самоубийцы или грешники, к которым не прилетали Вестники Ирия. Навьи оставались в Среднем Мире, в Свету, как неприкаянные души.

ворит сам «Верилад», а он, как и всякое разумное создание, мечтает о свободе.

– Ты слишком внемлешь им, – сказала волхва однажды. – Не позволяй кораблю заставить тебя принести клятву.

Уже много дней «Верилад» держал курс на Солнцеград. Погода всё время стояла хорошая, паруса раздувал попутный ветер. Ни одного судна не встретилось на пути. Драгослав был уверен, что такая лёгкая дорога по Ледяному морю возможна лишь с благоволения Полоза, не иначе. Князя сковывало ледяным страхом от того, что ему рано или поздно, но придётся предстать перед морским Богом и его змеем.

– Я чувствую, как мой разум ускользает от меня, – помолчав, ответил князь. – Дело не только в корабле. – Он снова замолк. – Не он меня страшит. Ты пугаешь меня намного больше, – проговорил Драгослав тихо, глядя на воду. Ему было плохо: князь отвык от морских путешествий и большую часть времени находился на открытом воздухе, где морская болезнь не так сильна.

– Я знаю, – со вздохом ответила Агния и встала у борта рядом с Драгославом. – Тебя ещё пугает ворожба.

Князь посмотрел на волхву: Агния была серьёзной. Хмурилась, между бровей пролегла морщинка.

– Я расскажу тебе о волхвовской силе, – сказала она мягко. – Тайна науки Велеса настолько проста, настолько же и непостижима. Ты так всего боишься, что я думаю, ваши волхвы учат лишь ритуалу, а не его природе. Если же постичь

истинную суть Силы Звёзд, то ритуалы учить вовсе не надобно: в древности каждый волхв изобретал свои, те, которые ближе его душе. Когда придёт время, и ты создашь свои обряды.

– Так в чём же тайна? – спросил князь.

– В тебе самом, – ответила Агния. – Дар Велеса есть у каждого человека. Ему не надобно учиться, его надобно открыть.

– Загадками говоришь. Если дар волхвовский есть у каждого, почему же все сварогины не волхвы от рождения?

– Как не волхвы? – улыбнулась Агния. – Все вы волхвы. Просто быть ворожеем сложно, а простым человеком – легко. Все древние прашуры были теми, кого сейчас назвали бы волхвами. Но с уходом Богов уклад на земле сильно поменялся.

Агния говорила, что нет на свете добра и зла, что сии определения придуманы людьми. Что любое действие в своей основе содержит ту самую Силу Звёзд, Силу Света, и, если чему-либо суждено случиться, то оно неизбежно произойдёт, и Макошь впрядёт и эту нить в узор судьбы. Драгослав возражал, а Агния улыбалась. Она обещала князю, что со временем он поймёт всё сам.

Когда «Верилад» дошёл до самой крайней части мыса Западная Дуга, он взял курс в открытое море. По совместному решению, парусник должен был подойти к столице со стороны океана, оплыв её по огромной дуге. Такой маршрут на-

много безопаснее, так как корабли Сваргореи редко отходят далеко в пустынные воды, да и собирать морское войско надобно как можно дальше от людей.

Во время плавания Драгослав старался забытья в ворожбе. Однажды вечером, отдыхая в корабельной трапезной, Агния дала Драгославу серебряное блюдо. Волхва сказала, что мир подобен зеркалу. А блюдо, как часть мира, может показать пряжу Макоши тому, кто вознамерится её увидеть. И не важно, спряла ли её Богиня или ещё нет. Да и блюдо само по себе тоже не важно. Просто ворожба даётся легче, если поверить в особенную вещь – в оберег, амулет или творение Богов. Князь волхву понял смутно, но на блюдо посмотрел. Драгослав увидел в нём себя: уставшего, измученного. Размытое отражение походило на тот лик, который являлся ему в Чёрном Озере. Серебряная поверхность вбирала в себя тёплый свет свечей, и казалось, что отражение в ней будто светится. Оно трепетало: то мутнело, то вновь обретало ясность. Драгослав продолжал вглядываться, надеясь, что, когда отражение прояснится, он увидит себя на троне Солнцеграда. Но вместо этого князь увидел в своем лице чужое. Будто сквозь его собственные черты проступали призрачные очертания неизвестного человека, от которого веяло холодом и смертью. Князь нахмурился, моргнул, и видение пропало. Драгослав посмотрел на сидевшую рядом Агнию. Она была спокойна. Князь хотел было рассказать ей об увиденном, но странное, давящее предчувствие его остано-

вило. Было что-то леденящее в этом видении, больше похожем на случайный морок.

С тех пор Драгославу становилось хуже. Близилась неизбежная встреча с морским Богом и с будущим войском. Неминуемо приближался час, когда князю придется поднять меч на своего родного брата. Но чем больше сводило с ума происходящее, тем князь сильнее старался отдаться волхвованию. Непонятные речи Агнии успокаивали, заставляли задуматься над тем, о чём князь прежде не размышлял. Драгослав не мог понять, как сила Велеса может быть сокрыта в каждом человеке. Это противоречило всему, чему его учили, и всему тому, к чему он привык. Науке Велеса учились с раннего детства и всю жизнь. И то не каждый отрок, отданный послушником в Свабогор, становился волхвом. Многие лишь Правосиле могли научиться либо домово́й ворожбе. Но будто в подтверждение слов Агнии, наука Велеса давалась князю на удивление легко. Собственная странная одарённость в волхвовании всё больше укрепляла князя в мысли о том, что его покойный батюшка был прав в своем решении отдалить его от трона.

Когда «Верилад» достиг своей цели и встал на якорь среди открытого океана, волхва сказала Драгославу, что он вместе с ней будет совершать ритуал созыва морского войска. Проснувшиеся корабли должны знать свой флагман и своего царя.

Погасла вечерняя заря, зажглись звёзды, и Агния с Драго-

славом взошли на нос «Вериллада». Кочеды, поклонившись, покинули палубу, оставив ночь обоим волхвам.

Волхва закрыла глаза и воздела руки к небу. Долго так стояла, неподвижно, будто статуя, пока не затих океан. Звнящая тишина накрыла мир, остановилось время. С неба, в окружении звёзд, внимательно смотрели Ночные Сёстры: большая и румяная Дивия и маленькая серебристая Луна. Под светом лун фигуры стоящих на палубе людей отбрасывали по две перекрещенные тени. Когда тишина настолько сгустилась, что стала казаться осязаемой, Агния открыла глаза, взяла Драгослава за руки и запела. Тихо, мелодично, и слова серебристым узором застывали в неподвижном воздухе. Они складывались в изысканное дрожащее кружево, которое, словно паутинка, окутывало волхву и князя. Драгослав почувствовал, что песня сама рвётся из его груди. Ему нужно было только дать ей волю. И он запел. И вместе с песней он вдруг ощутил, как с ним поёт весь мир, и сила мира течёт сквозь его тело мощным потоком, и эта энергия безбрежна как океан.

Поднялся легкий ветерок, хрупкая красота слов рассыпалась, превратилась в туман и растворилась. Ветер подхватил Слово, прошептал его несколько раз и понёс над водой. Слова звучали во всём сущем, и даже волны бились о борта корабля с песней. То громче пело всё, то затихало, пока не слилось воедино с проснувшимися звуками мира.

Заалел горизонт. Словно среди ночи пробудилось солнце.

Заря разгоралась всё ярче и ярче, пока не стало видно, что из-за горизонта плывёт армада золотых кораблей. Все суда, словно на подбор, были сделаны из необычного, сияющего серебром дерева, с тремя мачтами, чешуйчатыми огненными парусами. Драгослав с замиранием сердца смотрел на это великолепие. Князь ожидал увидеть другое зрелище. Царевич перевёл взгляд на Агнию. Она была прекрасна в сиянии ночных светил. Прекраснее, чем когда-либо. Волхва искренне улыбалась. Князю стоило огромных усилий вспомнить о том, что этот её облик ненастоящий и что под внешней девичьей красотой, стройным станом и глубокими глазами сокрыто существо неведомой природы.

– Ты удивлён, – скорее утвердительно сказала волхва. – Если бы мы звали их с берега, как я звала «Верилад», тогда бы их облик был иным. Но мы во владениях Полоза, на ожившем корабле. Мы мертвы и мёртвых призываем.

– Мы – что? – чуть дыша, переспросил Драгослав.

– Ты вернул меня на землю, а я тебя – из объятий Топи.

Драгослав пристально смотрел в глаза волхве. Он видел, что теперь Агния готова рассказать ему намного больше, но он уже не хотел. Услышанного хватало для того, чтобы окончательно сойти с ума. Волхва поняла князя и молча кивнула. Происходящее рушило мировоззрение сварогина, и это крушение давалось человеку тяжело.

Агния взяла Драгослава за руку и кивнула головой в сторону, призывая князя обратить взор на прибывающую ар-

маду. Суда выстраивались клином перед своим флагманом. Зрелище было грандиозным. Серебристое дерево отражало тёплый свет парусов, которые были похожи на огромные крылья бабочек. Самая страшная сила в мире была сказочной красоты.

Когда все суда выстроились перед «Вериладом», поморы флагмана вышли на палубу поприветствовать проснувшихся братьев.

– Ты должен сказать им Слово, и они последуют за тобой, – шепнула Агния Драгославу.

– А как же Морской Царь? – спросил князь. – И разве мне не надобно предстать перед Полозом?

– Змей Морской сейчас под «Вериладом», в глубоких водах. Когда ты изъявишь свою волю, он последует за тобой. А перед Полозом предстанешь, когда царем Сваргореи станешь.

Драгослав обвёл взглядом свой флот. Корабли замерли в ожидании. Где-то внизу плавал морской ящер. Царевич чувствовал его: подлинная мощь ждала его, Драгослава, Слова. Лёгкий ветерок принёс далёкий аромат цветов. Цветы в океане. Немыслимо. Но вместе с этим дуновением на крыльях ветра прилетело щемящее чувство чего-то родного, но давно забытого. И понял вдруг Драгослав, что это – последний дар Богов – Слово Забвения. Слово, посланное Вестниками Ирия. Если на то будет воля Драгослава, то князь Словом, посланным Богами, сможет потопить ожившую армаду вме-

сте с собой, но его душа будет спасена Птицами. У царевича замерло сердце, а вместе с ним и время. Драгослав чувствовал, что волхва всё ещё держала его за руку. Её тёплая ладошка была единственной связью с этим миром. Агния ждала, как и тысячи мёртвых кораблей.

– Плывём на Солнцеград, – наконец прошептал Драгослав. Но шёпот его был подобен грому в звенящей тишине. И этот гром всё ещё гремел у князя в ушах, когда Витигост, поклонившись, направил «Верилад» по нужному курсу. Гром всё ещё гремел, когда остальные корабли двинулись за ним. И он продолжал греметь, когда «Верилад» пришвартовался в порту Идра.

Остальные корабли Агния своим Словом скрыла от глаз. Поражённому Драгославу она сказала, что ей помогает сам Полоз.

Волхва долго смотрела в свою чару перед тем, как «Верилад» встал на якорь в столичном порту. Агния узрела в воде человека, который мог разрушить всё то, что собирался построить Драгослав, а мог и помочь создать новое государство. Волхва захотела взять этого мужа на свою сторону прежде, чем падёт Солнцеград, ибо этому человеку суждено пережить крушение города. Агния заговорила «Верилад», и в Идре никто не обратил на трёхмачтовый парусник внимания. Корабль люди, конечно, видели, но он интересовал их не более воды в море. Драгослав уже не удивлялся. Все помыслы князя были устремлены на борьбу с собственной со-

вестью. Агния понимала его и старалась не угнетать. Только уроки ворожбы давались князю тем легче, чем тяжелее было на его душе.

– Тебе нужно будет помочь мне удержать того свароги-на на корабле, – сказала Агния Драгославу, когда «Верилад» уже стоял у пирса Идры. – Ты должен будешь стать волхвом.

– Я не думаю, что готов пройти обряд посвящения.

Агния улыбнулась.

– Это новое изобретение ваших ворожеев? – спросила она. – Обряда никакого и не надобно. Я говорила ранее, все люди – волхвы от рождения. Тебе нужно только облачиться в волхвовское траурное платье, чтобы тот муж поверил нам. И назваться другим именем, на всякий случай.

Драгослав и Агния стояли у борта «Вериллада». Шёл первый день праздничной недели Солнцеворота, и звуки гуляющего города были слышны даже на корабле, что был пришвартован у самого крайнего пирса Идры. Иногда, с ветром, долетала музыка. Небо было высокое и чистое. Ярко светило солнце. В воздухе дрожали силуэты гигантских мостов, соединяющих столицу с другими островами. Монументальный и прекрасный Солнцеград купался в неге своих последних спокойных дней.

– Кто же этот сварогин, ради которого столько суеты? – после долгого молчания спросил Драгослав.

– Он тот, кому суждено пережить крушение Солнцеграда. Человек, который забрал силу одного древнего волхва, но

не знает об этом. Он может стать твоим царским веденеєм, а может – заклятым врагом, – ответила волхва. – Но пока Макошь не начинала прясть его нить, и сейчас он – вольный странник, без дома и родни. И его силу можно направить в наше дело.

– Не легче ли его убить? – спросил Драгослав. Эта мысль посетила князя сразу, как только Агния впервые поведала о видении странного сварогина. Но только сейчас князь решился озвучить предложение, которое пугало его самого не меньше, чем то бесстрашие, с которым он размышлял об этом.

Агния удивлённо посмотрела на Драгослава.

– Менее всего я ожидала от тебя услышать такое, – сказала волхва. – Его судьба ещё не решена, и он может стать твоим верным и могущественным помощником.

– Не велик ли риск, Агния?

Волхва нахмурилась. Сказанное Драгославом пугало её. Неужели Драгослав всё же пойдёт по тому пути, которого она так боялась?

– Ты хочешь убить человека только лишь из-за его возможной судьбы?

Драгослав покачал головой и резко повернулся к Агнии.

– Я собираюсь убить родного брата, – прошептал он и взял волхву за плечи так, чтобы ей не удалось уйти. – Через пару дней половина столицы будет мертва, а ты так беспокоишься о судьбе какого-то бездомного?

Драгослав чувствовал, что перешёл границы дозволенного, но он не мог больше сдерживать себя. Князь со всей силой сжимал худые плечи, чувствуя, как неведомая доселе злость овладевает его существом. Страх, постоянная борьба с самим собой сделались невыносимыми. Его чаша была полна. Происходящее сводило с ума. Особенно волхва. Её действия, помыслы и устремления он так и не смог разгадать. Агния жалела неизвестного мужа, в то время как ещё совсем недавно была готова утопить Драгослава и себя в собственном озере. Она обращалась ящерицей или прекрасной девочкой. Её речи были слишком заумны и темны. Он ненавидел её и... За время плавания его жалость и сочувствие к ней, смешанные со страхом, приобрели оттенок того чувства, которое просто не могло возникнуть. Голубые глаза глядели на него с ужасом. Вот, оказывается, как. Она тоже понимает весь кошмар происходящего. Он никогда не думал о ней так. А она тоже страдает. От осознания этого у Драгослава по спине побежали мурашки. Князь разжал пальцы, и его руки безвольно опустились. Агния отшатнулась.

– Прости, – Драгослав опустил взгляд. Ему стало стыдно за свой гнев.

Маленькая ладошка легла на плечо.

– Я рада, что твой гнев помог тебе прозреть, – мягко проговорила Агния. – Но меня пугают твои мысли, Драгослав. Какой бы тёмной дорогой ни пришлось идти, даже благодаря собственным ошибкам, в душе всегда должно быть место

свету.

– Твои речи порой слаще мёда. – Князь вновь посмотрел на волхву. – Ты скажи лучше, что мне делать в платье волхва? И как ты собираешься своего сварогина на корабль привести?

– Мне поможет Ставер, наш корабельный волхв и кормчий. Тот сварогин придёт праздновать в Идру, поэтому волхв-кочед сможет с ним встретиться, не ступая на землю. А ты надень траур и жди нас на корабле. Я тебя назову именем Мирин.

На третий день праздничной недели, на Солнцеворот, Агния, обратившись в ящерицу, вместе со Ставером отправилась в Идру, а Драгослав надел платье волхва и обереги. Князь встретил своего возможного помощника, Витенега, как и просила Агния, с почтением. Агния приковала Витенега к кораблю, чтобы он видел происходящее своими глазами. Волхва надеялась, что, поступив таким образом, она сломает душу сварогина, и тогда Витенег не станет идти против Драгослава и Полоза. Волхва оказалась права: Витенег почти

лишился разума, наблюдая за крушением Солнцеграда.

Когда ящер разрушил столицу, ворожба Агнии и её покровителя Полоза открыла Солнцеграду флот. Грандиозная армада смертоносных кораблей озарила золотым светом белую летнюю ночь.

Глава 5

Крушение Солнцеграда

Всё случилось слишком быстро. На Царской Площади, где шли праздничные гулянья, никто не обратил внимания на языки пламени, вздымавшиеся из-за городской стены. Хорса чествовали огнём, и весь Солнцеград был окутан смогом. Громко играла музыка, и ряженные артисты выступали перед царской четой, сидевшей в открытом, украшенном колоннадой ристалище ²⁵, которое располагалось напротив Царского Терема и Великого Свагобора. В небо взлетали яркие фейерверки. Смеялась даже Лада, облачённая в белый траур волхва. Улыбался Веслав, изредка поглядывая на Искрена, который вместе с другими волхвами находился на верхней площади ристалища у большой огнивицы. Как же хотелось царевичу скорее пожурить своего учителя в том, что старик оказался неправ в своем пророчестве!

Никто не обратил внимания на прибежавших воинов, которые, в панике, с безумными глазами, говорили что-то невразумительное. Наверное, три дня гуляний были для них очень тяжёлыми. Воинов не хотели слушать, пока в происходящее не вмешался сам царь, заметив волнение в рядах

²⁵ Ристалище – площадь для гимнастических, конных и других состязаний (*устар.*). В Сваргорее так называли и открытые, обустроенные на манер амфитеатра, театры.

своей стражи. Когда же посыльные добрались до правителя, низкий, утробный гул сотряс город. Вибрирующий рокот шёл из глубин земли, низкими перекатами отзываясь в груди. Гулянья стихли. Люди с опаской озирались вокруг; кто-то, не справившись с накатившим страхом, закричал. Стража обступила царскую семью. Веслав вскочил, ища взглядом среди волхвов Искрена. Лада, забыв о порядке, обняла свою маму, царицу Пересвету. Земля гудела, низко, протяжно, и этот гул отзывался в самом сердце. Мироздание затряслось. Половину неба заслонила колоссальных размеров волна. Люди, крича, бросились врассыпную. Пали столы, уставленные яствами, загорались упавшие факелы; люди, охваченные паникой, давили друг друга. Столица тонула в какофонии криков, стонов и плача.

С нестерпимым грохотом на город обрушилась волна, сияющей грудью разбивая монументальные стены, снося дома и терема, закручивая в своём диком танце людей, лошадей и ингр. Воздух пронзил леденящий душу рёв.

Веслав так и не смог увидеть Искрена. Царевич вдруг почувствовал, что кто-то потянул его за руку. Но юноша даже не успел обернуться: в одно мгновение мир потонул во мраке вместе с водой. Веслав лишь ощутил, как сила, мощная и неукротимая, подхватила его и понесла. Его несло вместе с другими людьми вперемешку с каменными валунами, досками, частями тел. Вода то накрывала царевича с головой, то поднимала вверх. Царевич не понимал, что происходит,

пока всепоглощающий поток не выбросил его на гладкую каменную поверхность. Вода стала отходить и снова повлекла юношу за собой, но Веслав успел ухватиться за каменный выступ. Веслав чувствовал, как стихия оставляет его, но вместе с тем, как отступала вода, Веслав всё больше ощущал вес своего тела. Царевич повис на бортике крыши. Веслав изо всех сил старался подтянуться, но у него не выходило: мокрые пальцы предательски соскальзывали с гладкого камня. Рука соскользнула. Царевич висел на одной руке, и у него не получалось поднять другую. Но тут сильная рука ухватила Веслава за запястье. У царевича не было сил посмотреть на своего спасителя.

– Давай, брат, поднажми, – сказал сиплый мужской голос. – Я знаю, ты сможешь.

Юноша послушался. Чужая мощная рука, крепко держащая за онемевшее запястье, вселила надежду. Рывок – Веслав взялся за борт крыши другой рукой, и её тут же обхватили. Ещё усилие, невозможное, граничащее с болью, и царевич поставил локоть на крышу. Веслава тут же схватили за шиворот и полностью затянули наверх. Царевич некоторое время лежал, чувствуя, как сильно бьется сердце и как ледяная вода стекает с одежды. Спаситель присел рядом, давая юноше прийти в себя.

И тут бытие разрезал леденящий душу рёв. Рёв был такой силы, что отзывался в грудной клетке клокочущими переливами. От него веяло древним, ледяным, первобытным стра-

хом. Веслав вжался в поверхность крыши.

– Вставай, дружок. – На плечо царевича легла ладонь. – Если хочешь остаться жив, необходимо уходить, и как можно быстрее.

Юноша с трудом сел. Израненное тело болело. Веслав посмотрел на своего спасителя. Мощный, как гора, косматый муж, мокрый до нитки, как и царевич. С его чёрных, подёрнутых сединой волос стекала вода. Зоркие чёрные глаза. Лицо с выдающимся носом украшал свежий кровавый шрам.

– Не смертельно, – видя, на что обратил внимание царевич, сказал мужчина. – Идти можешь?

– Наверное, – пробормотал Веслав и не узнал своего голоса. Словно говорил не он, а ветхий старик.

– Это хорошо, – ответил сварогин, вытирая рукавом кровь на лице. Богатырь поднялся и протянул царевичу руку. – Вставай.

Веслав, опираясь на сильную руку, встал.

– Хвала Сварогу, ноги твои не сломаны, – усмехнулся косматый, оглядев царевича. Веслав с удивлением посмотрел на сварогина. – Это сейчас важнее всего, – ответил мужчина на немой вопрос юноши и потянул его за руку. – Идём.

– Куда? – просипел Веслав.

– В порт, или в то, что от него осталось. Чем быстрее мы покинем Солнцеград, тем лучше.

– Но я не могу! – Веслав остановился. – Там, – он указал в сторону Дворцовой площади рукой. – Там моя семья! Я не

могу...

Царевич осекся на полуслове. Город лежал в руинах. Не осталось ни теремов, ни домов, ни Царского Терема. Гордая статуя Перуна-защитника была разрушена. Кое-где сохранились постройки с плоскими крышами наподобие того дома, на крыше которого они спаслись. Вода мощным потоком текла на уровне третьего этажа, и в ней плыли трупы. От ужаса у царевича перехватило дыхание. Ещё один утробный рык сотряс мир, и Веслав обернулся: на фоне светлого ночного неба вырисовывался гигантский силуэт трёхглавого змея. Юноша вскрикнул.

– Я же тебе говорю, – Веслав вновь почувствовал, как его взяли за руку и потянули. – Надо уходить!

Но царевич замер в оцепенении, во все глаза глядя на страшное нечто, которое теперь принялось крушить остатки города. Кто-то пробовал стрелять в змея огненными стрелами, но ящер, взревев, быстро расправился со своими обидчиками.

– Да хватит на него смотреть, – Веслава потянули ещё сильнее, – бежим!

Царевич с трудом заставил себя оторвать взгляд от трёхглавого змея и сдвинуться с места.

– Вот и молодец, – пробасил спутник Веслава и пошёл вперёд, к другой стороне крыши. – Не смотри на него больше.

Царевич оглядывался на ящера. Змей продолжал бесно-

ваться. Веслав с трудом понимал, что происходит. Богатырь ещё несколько раз одергивал Веслава, чтобы юноша перестал смотреть на чудовище. С противоположной стороны здание было разрушено, и обломки покатой кучей спускались на этаж вниз, к уцелевшему полу третьего этажа.

Беглецы осторожно спустились с крыши по нагромождению камней. Вода стояла по щиколотку. Снаружи бежал мощный поток.

– Смотри какую-нибудь доску, – сказал мужчина, снова вытирая кровоточащую щеку. – Надо плыть в противоположную от змея сторону, тогда, может, получится покинуть город.

Веслав стал послушно оглядываться в поисках подходящего куска дерева. Видно было плохо: ночь хоть и была светлой, и солнце не садилось, свет почти не проникал сквозь разрушенные перекрытия. В грязной воде плавал мусор, остатки мебели, какие-то окровавленные тряпки, приближаться к которым не хотелось. Ящер заревел ещё раз, и от его утробного рокота часть крыши обрушилась, едва не сбив царевича с ног.

– Некогда, – прорычал мужчина и, потянув за собой царевича, прыгнул в бурлящую воду. Вовремя: едва они сделали пару мощных гребков, как крыша здания, с которого они спустились, окончательно рухнула.

– Гребь руками! – скомандовал муж царевичу, и Веслав стал стараться изо всех сил. – Иними ты этот свой плащ! –

воскликнул сварогин. – Он тебя топит!

Царевич с трудом освободился от одежды и, стараясь не смотреть на то, что плавало в воде, поплыл рядом со своим спасителем. По счастливому совпадению, вода текла в противоположную от ящера сторону, и плыть по течению было достаточно просто. Вода сама несла по разрушенной улице.

– Смотри по сторонам, – говорил косматый. – Если увидишь то, на чём можно плыть, – бери.

Веслав кивнул. Озираться было страшно. Части человеческих тел, тел животных, остатки домашней утвари – всё плыло в едином потоке. Ещё страшнее были крики и стоны умирающих людей. Кто-то барахтался в воде, захлебываясь и издавая ужасные клокочущие звуки. Мимо проплыл человек, державшийся за часть деревянного столба. Он не обратил внимания на Веслава и его спутника. Его взгляд был устремлён в вечность, а по воде за ним стелился кровавый след. От страшной догадки тошнота подкатила комом. Веслав посмотрел в другую сторону и увидел руку, которая застыла между камнями обвалившихся домов в неестественной позе. Веслав поспешно отвернулся от жуткого зрелища, и его взгляд пал на женщину, которая странно, с изломом свесившись из окна, молила о помощи.

– Надо помочь, – сипло обратился царевич к своему спутнику.

– Плыви вперёд, – не поворачивая головы, ответил мужчина.

– Но... – Веслав притормозил, глядя на молящую, но сильная рука подтолкнула его продолжать плыть.

– Ей уже не поможешь! – прикрикнул на него сварогин. – Себя спасай, пока силы есть!

Веслав хотел было возразить, но не смог. Он просто, по привычке, послушался старшего. Холодная вода лишала последних остатков силы, мысли сплелись в неясный клубок, и лишь панический страх, пронзающий всё тело, заставлял плыть дальше. Веслав уже не смотрел на доски, не искал взглядом плот, все его мысли сосредоточились на чёрной косматой голове, плывущей перед ним.

– Смотри! – крикнул косматый, указывая царевичу на плывущую впереди здоровенную деревянную створу от ворот.

Богатырь за несколько мощных гребков добрался до плывущей створы и ухватился за её край.

– Поднажми! – крикнул он изрядно отставшему Веславу.

Низкий рык раскатился по миру, раздался грохот обвалившихся зданий. Веслава охватила паника, и царевич, собрав все силы, догнал мужчину.

– Залезай, – скомандовал косматый сварогин. Дерево было мокрым, поток неумолимо нёс вперед, но, после нескольких неудачных попыток, юноша вскарабкался на доску. Мужчина залез следом. Веслав поразился силе своего спутника. Царевичу казалось, что тело его спасителя отлито из железа, настолько мощным был мужчина.

Вода несла их маленький плот по некогда прекрасному проспекту Солнцеграда.

– Меня зовут Яромир, – через некоторое время сказал муж. – Тебя как звать?

– Веслав, – ответил царевич.

– Рад знакомству, Веслав, – великан положил руку на сердце и сделал легкий кивок головой. – Имя твое счастливое, как у сына нашего батюшки-царя. Жаль, что обстоятельства нашей встречи счастливыми не назовёшь.

Веслав хотел было сказать, что он и есть царевич Сваргореи, но передумал. Юноша вспомнил о предостережении своего наставника, Искрена. Интересно, где сейчас его любимый старик? Страшно думать. Есть, конечно, слабая надежда, что учитель жив, но... Веслав чувствовал, как к горлу подступили позорные слёзы.

– Не раскисай, – резко пробасил Яромир, видя, что его юный спутник совсем помрачнел. – Если Боги оставили нас в живых, значит, у них есть на нас планы. И ты должен сделать всё, чтобы использовать их дар!

Веслав ничего не ответил. Он не знал, что делать дальше, как быть. Такому в Ведомире не учили, к такому его не готовили. Поэтому Веслав безропотно следовал за Яромиром. Бежать – так бежать. Бросать – так бросать. Меньше всего царевичу хотелось ещё раз увидеть то ужасное трёхглавое создание, которое сидело на городской стене. Правда, постоянно был слышен его леденящий душу рык, но это было не

здесь. Здесь был лишь звук, отголосок ужаса.

Мокрая одежда неприятно липла к телу, и царевич чувствовал, как замерзает.

– Помогай плоту и гребь руками! – сказал Яромир, видя, что Веслав дрожит от холода. – Нам нужно как можно скорее покинуть город.

Царевич, не сказав ни слова, послушался. Его знобило от холода и страха, и простое бездейственное ожидание сводило с ума.

Веслав старался не смотреть по сторонам, не слушать звуков умирающего Солнцеграда, от которых стыла кровь. Царевич изо всех сил сосредоточился на мерных всплесках воды от мощных гребков своего спутника. Плавание казалось вечным, хотя Веслав знал, что времени прошло немного.

– Эй, у них плот! – резкий крик вывел юношу из забытья.

Впереди, слева, на груде обломков сидел сухонький мужчина. Обеими руками он опирался на палку, длинные рыжие волосы облепили худое лицо. Красная подпоясанная рубаха была изодрана, на ногах болтались остатки онучей. За ним вылез еще сварогин, шире и мускулистее.

– Эй! – крикнул второй. – Остановитесь!

Веслав обернулся на Яромира.

– Не останавливайся, – прошептал Яромир. – Наша деревяшка всех не выдержит.

Царевич принялся грести с утроенной силой.

– Эй, так нечестно! – крикнули сверху.

Мускулистый муж, недолго думая, отобрал у своего спутника палку и прыгнул в воду.

— Мор бы тебя побрал! — выругался Яромир. — Гребь быстрее! — крикнул он царевичу, который было замешкался.

Веслав грёб изо всех сил, но человек, который старался их догнать, тоже сражался за свою жизнь. В таком состоянии каждый способен на всё. Яромир работал руками что было мочи, но их преследователь непостижимым образом ухватился за плот. Яромир толкнул мужчину обратно, но сварогин успел ударить Яромира палкой, и громила взвыл. Вдруг со стороны Веслава, у доски, оказался тот щедушный рыжеволосый муж. Одной рукой он ухватился за дерево, а второй вцепился в рукав Веслава, стараясь стащить царевича в воду. Веслав, собрав все силы, толкнул рыжего, и тот разжал пальцы. Следующим ударом царевич заставил мужчину отцепиться от доски. Веслав обернулся на своего товарища: противник обхватил ногу Яромира и держал его мёртвым хватом, несмотря на все усилия богатыря отбросить соперника. Палка уже плыла рядом с плотом. Неплохое было бы весло, подумал царевич, но удар по голове его оглушил. Этого мгновения хватило для того, чтобы рыжий вновь схватил Веслава за одежду и потянул к себе. Царевич не успел отреагировать и оказался в воде. Его тут же обхватили руки противника, старавшегося не дать юноше всплыть. Веслав изо всех сил пытался освободиться от топящих рук, но не выходило. Его соперник, при всей своей щедушности, ока-

зался очень силён.

Грудь разрывало желание вдоха. Перед глазамиплыли разноцветные круги. Веслав уже готовился проститься с жизнью, как вдруг почувствовал, что топящий его муж ослабил хватку. Царевич тут же всплыл наверх. Он жадно вдохнул, затем ещё и ещё. Веслав всё никак не мог надышаться, пока не заметил, что рыжий мужчина потерял к нему интерес. На лице соперника застыла гримаса ужаса, глаза человека стеклянным взглядом смотрели куда-то за Веслава. Царевич тут же обернулся и оцепенел. В саженях ста пятидесяти по течению стоял он. Высокий, выше самых высоких теремов, мощный, сильный. Его чешуя отблескивала в свете ночного солнца. Три головы, увенчанные костяными коронами, смотрели в разные стороны. Украшенный колючими плавниками хвост вилял, руша остатки зданий и дорог. Между ногами и туловом сборами висели жилистые перепонки, напоминающие гигантские плавники. Ящер внушал животный, первобытный страх.

– Вода несёт прямо к нему! – завопил Яромир.

Веслав с трудом оторвал взгляд от змея. Бывших врагов, застывших в оцепенении, течение несло навстречу смерти. Крик Яромира заставил мужчин встрепенуться.

– Надо за что-нибудь ухватиться, – крикнул рыжий. Он развернулся и старался плыть против потока. Веслав последовал его примеру. Царевич видел, что Яромиру удалось схватиться за камень разрушенного дома, двое других муж-

чин тоже смогли остановиться. Только у самого Веслава ничего не выходило. Измождённый борьбой, страхом и холодом, царевич всё никак не мог найти себе опору.

– Да хватайся ты уже! – услышал Веслав вопль того свароги́на, который чуть было его не потопил.

Утробный, клокочущий рёв трех глоток пронёсся неистовым ветром, отбросив мужчин обратно в воду. Веслава закрутила взбесившаяся вода. Небо и земля поменялись местами в безумном танце. Царевич пытался выбраться из волны, порождённой ужасным рыком змея, но лишь беспомощно барахтался в воде. Наконец у Веслава получилось ухватиться за камень и вырваться из круговорота. Недалеко держался за обломок стены Яромир. Рыжий тоже за что-то зацепился и болтался у кромки воды. Его спутника не было видно.

Земля содрогнулась, и перед взором царевича опустилась в воду могучая чёрная лапа. Веслав, цепenea, повернул голову: змей находился близко, невыносимо близко. Настолько близко, что царевич мог разглядеть даже трещинки на его чешуях. Веслав посмотрел вверх: головы ящера были обращены в противоположную сторону.

Царевич чувствовал, как от страха стучат зубы. С трудом справляясь с паникой, Веслав стал аккуратно, стараясь не шуметь и не касаться чёрной лапы, пробираться прочь от ящера. Но онемевшее от ужаса и холода тело не слушалось. Веслав не справился с собой и рухнул вместе с грудой камней

прямо под ноги змею. Трехглавый востернулся, и все три шеи наклонились к воде. На Веслава смотрели три пары жёлтых глаз с вертикальными чёрными зрачками. Взгляд ящера испепелял, пронзал, выворачивал наизнанку душу. Веслав замер, замороженный первобытным ужасом. Средняя голова прищурилась и раскрыла огромную пасть. Три ряда острых, как клинки, зубов, алый язык и зловонное дыхание. Веслав зажмурился, но тут резкий, клокочущий рык потряс мир. Царевич открыл глаза: головы теперь смотрели вперёд.

– Эй! – крикнул далёкий голос, и о могучую грудь чудовища, что нависла над Веславом страшной скалой, ударился камень. Царевич едва успел увернуться от отскочившего булыжника. Это вывело юношу из невольного оцепенения, и царевич, цепляясь за камни, выбрался из-под тулова монстра. Ящер шагнул, и его хвост чуть не сбил Веслава обратно в воду. Царевич обернулся: Яромир изо всех сил старался обратить внимание змея на себя, и ему это удавалось. Круша и сбивая всё на своём пути, ящер двигался к своему обидчику.

– Спасайся! – крикнул Яромир царевичу.

Веслав посмотрел на поток воды, который тёл у подножия его прибежища. Недалеко прибило резную балясину некогда прекрасного крыльца. Тут плавал наличник, украшенный коловратом. Интересно, чьему терему он принадлежал? Станные мысли. Необходимо сосредоточиться на происходящем. Если прыгнуть в воду, то, помогая себе руками, мож-

но быстро уплыть от чудовища. Веслав приготовился для прыжка, но так и замер: царевич не мог оставить в беде человека, который спас ему жизнь. Веслав выпрямился, удобнее пристроил на камнях ноги и обернулся на Яромира. Секунды превращались в вечность. Ящер неукротимо двигался на Яромира. Веслав видел каждое движение монстра как в медленном сне. Восприятие царевича обострилось до предела. Веслав ощутил силу Стрибожьего Внука так, будто ветер остановился и распался на множество маленьких душ. Сила ветра была повсюду, в каждом мгновении, в каждом дюйме пространства. Сила пронзала весь мир: стоило лишь протянуть руку, и она заструится по телу, словно вода по устью реки. Эта сила лишала страха, заменяя его спокойной уверенностью в единстве со Стрибогом, единстве с Дажьбогом, единстве со Сварогом и Свагорой... Веслав вспомнил образ явившейся ему Матери-Земли, которая улыбалась, одаривая его своим Светом. И сейчас он ощущал этот свет. Нет, это была не ветра сила. Это была сила того самого Света, именем которого сварогины и называли свой мир. Эта сила текла сквозь тело, подобно живой воде, что течёт через ствол Мирового Древа, Краколиста, наполняя жизнью бесчисленные миры его кроны. И эта сила подвластна каждому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.